

Тимофей Печёрин

**БЕСПОЛЕТНАЯ
ЗОНА ДЛЯ ЗМЕЯ
ГОРЫНЫЧА**

Что объединяет наблюдаемый в наши дни феномен НЛО, легендарную Атлантиду и Змея Горыныча из русских сказок?

Ответ на этот, казалось бы, странный вопрос суждено узнать аспиранту Алику Финистову и его девушке, заброшенным на тысячи лет в прошлое. Если они сохранят жизнь и свободу, конечно. Что не так-то просто сделать, если угораздило втянуться в противостояние древних цивилизаций.

Тимофей Печёрин

Бесполетная зона для Змея Горыныча

— Поживей! Шевелись! — грозно покрикивал кхонас Суларик на парнишку двенадцати зим отроду, суетившегося у очага.

Точнее, пытался грозно покрикивать. Но сил хватало только на глухое ворчание. Больше подобающее голодной старой дворняге, битой жизнью и многими людьми, и потому озлобленной на весь белый свет. А главное — приметившей кого-то большого и сильного. Кого-то, кто мог покуситься на подвернувшуюся дворняге кость.

— Да дров не жалея! Жарче топи!

Кхонас ненавидел себя за слабость. Досадовал на недостаточную расторопность парнишки-прислужника. Но больше всего недобрых чувств вызывали у Суларика холода, пришедшие слишком рано.

Конечно, с каждой новой зимой холода приходили все раньше, и все меньше оставалось теплых ночей. Это если верить Горбатой Колдунье, которую кхонас из милости приютил.

И кхонас верил. Другое дело, что на этот раз морозы и впрямь пришли рано. С какой-то неестественной, нездоровой поспешностью, какая больше бы подошла тому же парнишке, очаг растоплявшему. Меньше седмицы назад еще зеленела трава и какая ни на есть листва на деревьях. Но — дыхнул холодом откуда-то с Полночи Отец-Небо и обрушил на Мать-Землю снежную бурю.

Буря не давала и носу высунуть наружу. Да и дома было не легче. Суларик не помнил, когда последний раз так мерз. Твердыня, служившая домом не одному поколению кхонасов, казалась теперь жутким каменным мешком, вроде склепа; выстуженным и для обитания в нем живых существ заведомо непригодным. А стены, пережившие немало осад и ни разу не сдавшиеся — ни врагам, ни бунтовщикам, теперь как будто насквозь продувались ледяными ветрами под их торжествующий вой.

Холод и вой ветра донимали Суларика с тупой неотступностью геморроя и зубной боли, отвлекая на себя все его внимание, занимая мысли и чувства. И поделаться с этим ничего было нельзя — как бы кхонаса ни злило собственное бессилие. Оконца в стенах и без того были маленькие. Ставни, их закрывавшие, тоже помогли слабо. Только и оставалось, что сидеть-дрожать перед очагом, кутаясь в шубу из шкуры медведя, собственноручно убитого Сулариком в молодости. Ну и еще покрикивать... или ворчать (как получится) на парнишку-прислужника.

— Кому сказано, жарче топи! Оглох, сопляк? Или храбрый шибко?

— Так разгореться огню надо-то... господин, — неловко оправдывался парнишка, потупив взор, — потом теплее станет.

— А... ну, Морглокх с тобой, — кхонас махнул рукой.

Прислужник в ожидании замер. Подсвеченный огнем очага, он отбрасывал на стену дрожащую, точно от холода, тень.

— Да сгинь уже, сопля вонючая, — огрызнулся на него Суларик, — без тебя тошно. Позову, если что.

И только тогда парнишка послушно убрался. Выскользнув из комнаты кхонаса в проем, взамен двери прикрытый шкурой.

Дверей и запоров внутри собственного дома Суларик не признавал. Полагал, что домочадцев, соратников и прислужников бояться ему не с чего. Ибо кому верить в этом

мире, если не тем, с кем делишь еду и кров. Если же в твердыню кхонаса ломятся враги, то тем более не к лицу правителю отсиживаться за прочно запертыми дверями в своей комнате, как какому-нибудь зверьку в норке. Нет! Долг правителя — погибнуть, защищая родные стены, а не прятаться за ними, дрожа. Хоть от страха, а хоть и от холода.

Так что кхонас с удовольствием променял бы теперешнее прозябание у очага в каменном мешке на славную битву. Пусть даже безнадежную.

Вот только единственный шанс на такую перемену был упущен этим утром. Когда из какой-то дальней деревеньки примчался взмокший, несмотря на мороз, мужичок. И рассказал о нападшем на деревню многоглавом чудовище.

Суларик принял гонца без особого снисхождения, но полностью соблюдая законы гостеприимства. Велел накормить, дал отдохнуть с дороги, внимательно выслушал и обещал послать в помощь нескольких воинов. Но не раньше, чем стихнет снежная буря, с яростью набрасывавшаяся на твердыню кхонаса, и вырывавшая из нее остатки тепла.

Теперь жалел, что поддался малодушию: и воинов своих пощадил почем зря, и себя. Мог бы лично возглавить поход против неведомого чудовища — глядишь, и не так бы мучился от холода. Мало ли, что твердыню пришлось бы покинуть, да по снегам и под ветром злым пробираться. Когда двигаешься — знал Суларик — холод ощущается меньше. А уж как согревает жаркая битва... семи очагам не сравниться!

Знал это кхонас, а все равно на поход не решился, отложил. О чем жалел теперь, но и отступить от данного слова не собирался. Сказал, что помощь будет, когда буря утихнет — значит, хочешь, не хочешь, а придется ждать. Ждать и трястись у очага, кутаясь в шубу.

Неужели он, Суларик, второй десяток зим железной рукой удерживавший свои земли, начал сдавать? Сожалеет, вместо того, чтобы действовать. Дрожит, сидя дома, когда должен сражаться.

Долго предаваться невеселым мыслям кхонасу не удалось. Как не получилось и надолго остаться одному. Вскоре, как убрался парнишка-прислужник, шкура в дверном проеме отодвинулась вновь. И на этот раз к Суларика пожаловала сама Горбатая Колдунья. Как всегда, проворная и юркая для своего телосложения и небольшого роста.

— Чую, беда идет, господин! — на ходу выпалила Горбатая. — Уходить надо...

— Еще только идет? Плохо чуешь! — кхонас зашелся грубым каркающим смехом.

Не старый еще человек, совсем недавно могучий, он теперь чувствовал себя развалиной — так Суларика подкосили эти несколько холодных ночей. Смех вышел под стать: совсем не подобающий грозному правителю, воину и хозяину.

— Очнись, колдунья! Оглянись! Мою твердыню, небось, уже снегом завалило! Холодина такая, как будто с Морглокхом поцеловался. А ты говоришь, беда еще только идет?

— Уходить надо, — продолжала вещать Горбатая Колдунья, слова кхонаса, как будто не услышав, — в горы, в пещеры. Там оно нас... там трудней всего достать будет.

— Да ты совсем рехнулась, Горбатая! — вскричал Суларик, но, закашлявшись, продолжил уже тише. — Бежать предлагаешь? Как зайцу лесному, охотниками загнанному? Вместо того чтоб сражаться? Никогда мои предки не бросали родной дом, в страхе улепетывая. И я их не опозорю! Какая бы ни была беда...

Да, стыдно было убегать, сдавая твердыню неведомому врагу. Но не меньший стыд кхонас чувствовал оттого, что — редкий случай — не сказал всей правды. Не признался, что наконец-то худо-бедно начал согреваться перед очагом. Разгорелся он на славу, зря Суларик

парнишку бранил. Да и ветер притих вроде. Так что выходить на холод кхонасу не улыбалось.

— Такая беда, что ни мечом не пронзить, ни стрелой, — все пыталась увещевать правителя Горбатая Колдунья, — себя не жалеешь, господин, так хоть людей своих пожалей...

Закончить она не успела, как не успел и Суларик — ответить. Последние слова колдуньи потонули во внезапном грохоте. Стены твердыни кхонаса дрогнули, сверху посыпался мелкий мусор. Кто-то вскрикнул испуганно в одной из соседних комнат.

— Это еще что такое? — недовольно вопрошал кхонас, на эти мгновения вернувший себе твердость голоса.

А про себя надеялся, что это гром, какой бывает в грозу. Точнее — что Отец-Небо сжалился-таки над Матерью-Землей, унял свой гнев, воплотившийся в снежную бурю. И решил отметить примирение обоюдной страстью.

— Беда... — коротко и словно бы виновато произнесла Горбатая Колдунья.

Естественно, такой ответ Суларика удовлетворить не мог. Повторив свой вопрос еще громче, кхонас закашлялся. Но все равно никто не прибежал и даже не отозвался на его вопрошающий возглас.

Так, не дождавшись ответа, Суларик решил выяснить сам.

«В конце концов, какого Морглокха, — думал он со злостью, поднимаясь с топчана и запахивая шубу, — просто сидеть и ждать, можно и сгнить совсем, что пень трухлявый. Хозяин я здесь или не хозяин? А если хозяин, то первый должен знать, что и как!»

Отодвинув шкуру, Суларик вышел в узкий коридор. И пробираясь мимо таких же проемов, шкурами прикрытых; протискиваясь мимо подвернувшихся и почтительно сторонящихся прислужников (тоже, не иначе, всполошенных внезапным грохотом), двинулся к лестнице.

Шел кхонас как прежде твердо, решительно. В его жизни возникла цель, пускай и мелкая; пусть и не из тех, что надолго. Но все равно придала сил.

Лестница вела к люку в крыше. А следующая — на крытую смотровую площадку высившейся над крышей деревянной башни.

Отсюда удобно было обозревать окрестности. Благо, погода уже не мешала. Бушевавшая не менее трех ночей буря унялась. Небо было ясным, лазурным, а воздух казался буквально пропитанным холодом. Но то был не гнусный тяжелый холод нетопленного жилища — каменного мешка, а бодрящий мороз. Вполне терпимый благодаря медвежьей шубе, он лишь покусывал лицо кхонаса, побуждая его больше и расторопнее двигаться. Ну да Суларик и не собирался сидеть на месте.

Еще карабкаясь на смотровую площадку, кхонас успел приметить причину давешнего грохота. В окружавшем каменную твердыню частоколе теперь зияла брешь, через которую свободно могли пройти разом несколько человек. Толстенные бревна были изломаны как лучины. А их обугленные обломки — разбросаны на полдвора.

И добро бы пострадал только частокол! Но рядом с брешью не повезло оказаться конюшне. И теперь она горела; столб дыма поднимался к небу, точно грозя ему. Рядом суетились несколько воинов и прислужников. Кто-то тащил ведра с водой из не успевшего замерзнуть колодца, кто-то пытался забрасывать горящую постройку снегом.

О спасении же самих обитателей конюшни речь уже не шла. Ведь лошадиного ржания, в отличие от криков пытавшихся тушить пожар людей, Суларик не слышал.

Кхонас еще не знал, что скоро поздно будет спасать уже его самого. И что предсказанное Горбатой Колдуньей бедствие придет гораздо раньше, чем он мог себе представить.

А забравшись, наконец, на самый верх, смог разглядеть, кто или что порушило частокол да сожгло конюшню.

Сначала это было лишь маленьким темным пятнышком — особенно заметным на фоне ясного неба. И кхонас принял было его за птицу. Но пятнышко приблизилось, разворачиваясь по дуге. И Суларик успел заметить, что на птицу это... существо не похоже совершенно.

Огромная, не меньше, чем с медведя величиной, тварь с несколькими головами на длинных шеях... точнее, пастями. «Уж не это ли чудище напало на деревню, из которой недавно гонец за помощью прибегал?» — подумал кхонас.

А уже в следующее мгновение одна из пастей твари изрыгнула струю огня и дыма. Прямо в сторону башни и стоящего на ней Суларика.

Когда струя достигла башни, и когда она обрушилась, точно гнилое дерево под топором, кхонас успел подумать, что не изменил себе и предков не посрамил. Не сбежал, родной дом не бросил, коль именно здесь ему суждено было погибнуть. Все, как он и хотел. Точнее, почти все.

Суларик умер и не узнал, что эту атаку твердыня кхонаса так и не пережила. Куда там — такой примитивной постройке устоять перед реактивными снарядами.

Несколькими днями ранее

Приветик!

Со мной тут такое приключилось — вы не поверите! А если поверите, упадете!

Все началось с того, что мой... как бы получше назвать? Бойфренд... не бойфренд. Один из ухажеров? Тоже не то. В общем, один мой хороший друг Алик решил устроить мне необычное свидание.

Сперва привел меня к себе на работу. Вроде как на экскурсию. Работает он, кстати, не в каком-нибудь офисе тухлом. И не продаван какой-нибудь, каждому встречному предлагающий слона купить. Такие чудачки на букву «м» еще шопиться спокойно мешают. Ну, когда ты или витрину глазами пожираешь, или уже роешься в вещах, пытаешься найти ту единственную, что вызовет любовь с первого взгляда. А они подлетают как мухи с дурацким вопросом: «Вам помочь?»

Так вот. Если какой-нибудь продаван это видит, к тебе я обращаюсь, чудило. Лучшая помощь при шопинге — это не мешать. Как и вообще.

Упс, отвлеклась...

Алик мой совсем не таков. На глупости подобные жизнь свою не тратит. И работа у него необычная. Во времени путешествовать. Честно-честно. Посмотрите в мои честные глаза на аватарке и поверьте.

Он и мне хотел какую-нибудь эпоху показать. Представляете, живьем! Не в фильме и не на картинке. Подняться по ступенькам еще целого Парфенона, понаблюдать за очередной стройкой века, очередным фараоном затеянной. Поприветствовать живого римского сенатора, сказав ему «аве», или посмотреть, как сшибаются благородные рыцари, добиваясь благосклонности прекрасной дамы.

Одно плохо, когда такой богатый выбор, определиться трудно. Любители шопинга меня поймут. И Алика тоже, в таком положении оказавшемся. Не мог выбрать, какая эпоха лучше. Ну, какая больше подходит, чтобы не девушку впечатление произвести. Ох уж эти #парни! У одного «крузак», у другого машина времени, но суть одна и та же.

В общем, не смог определиться мой Алик, да и забросил нас неведомо куда. Слепому случаю выбор оставив. И занесло нас совсем уж в неведомую эпоху, историками по большому счету не изученную. Я знаю, потому что сама историк. Так вот, даже страну, в которой мы оказались, Гиперборею, большинство коллег воспринимают как миф. Если не все. А я вот побывала там, землю тамошнюю потоптала. Круто же!

Ну и конечно, той эпохе даже до пирамид и римских сенаторов было, что ТикТоку до популярности Инстаграма. Пилить и пилить.

А самое главное, выбраться оттуда оказалось не так-то просто. У Алика и его коллег есть специальный девайс, «пультиком» называемый. Как раз для возвращения в наше время. Так вот, на этот раз пультик не сработал. Алик что-то про синхронизацию говорил. И головой клялся, что раньше такого не было. Ну чисто, как один мой ухажер, после вечеринки меня подвозивший, да по пьяни в сосну въехавший.

Не буду показывать пальцем, кто это был, а то Маратик еще обидится. Хи-хи.

А потом... да, другая страна и далекая эпоха. Но есть вещи, которые не меняются и за

тысячи лет. Например, желание некоторых ущербных личностей навредить тем, кто слабее. Да еще выгоду с них для себя поиметь. Все, кому хоть раз не посчастливилось нарваться на гоп-компанию, знают, о чем я говорю.

Такую компанию и мы с Аликом встретили. Тогда, в прошлом. Алик, конечно, парень у меня не промах. Мечом владеет. Но он был один против целой оравы. Да и эти сволочи тоже были не безоружны.

В общем, попали мы в плен, главный в той банде нас продать грозился. Точнее, меня — продать. А что сделать с Аликом, говорить не буду. Стремно же!

Но не на того напал! Разбойники-то наелись-напились и спать залегли. А пока энный сон видели, Алик мой с волками сговориться смог. Штука прикольная у него для этого имелась — ЛНМ называется. Чтобы языки незнакомые понимать и на них же свою речь переводить. Оказалось, что это прокатывает даже с языками животных. Высокоразвитых животных, я имею в виду. С лягушкой бы вряд ли прокатило бы. Или с хомячком.

В общем, надо было моему Алику дипломатом становиться, а не историком! Зарывает свой талант. Сначала меня, несравненную Фокси, на такую авантюру подбил, теперь вот с волками сговорился. Круто же!

Волк помог ему освободиться, а он уже с мечом всю банду покروшил. Опять же волки помогли. Кому враги, а им вот еда.

Короче, выбрались мы из леса, где эта банда засела. Подошли к ближайшей деревне — ну, отдохнуть, перекусить. А местные нам навстречу да все как один помочь умоляют. Беда, мол, у них, объявился какой-то нехороший господин на летающей повозке. Деревенских девушек либо покупает, а где ему отказывают... ну, как в этой деревне, просто похищает. Вот и оттуда четырех выкрал.

А Алик мой типа воин. С мечом разгуливает, да и сам внушительно смотрится. Особенно рядом с местными. Витаминов им не хватает, что ли? В общем, кому как не ему похищенных девушек возвращать.

И Алик, прикиньте — согласился.

Во-первых, жалко все-таки. И девушек, и крестьян этих. Да и неудобно отказывать тем, кто сам, чем смог, помог тебе. Например, накормил.

А во-вторых... тут такое дело, с пультиком его. Если какие-то действия совершаешь, синхронизация так называемая растет, а в других случаях падает. И с нею наши шансы вернуться в свое время. А когда мы в это дело ввязались, синхронизация выросла. Как бы говоря: «так держать!»

До нехорошего господина на летающей повозке мы, конечно, добрались. Точнее, это он до нас добрался. Повозка та оказалась летающей тарелкой, ну типа НЛО. Внутри нее нас с Аликом буквально втянуло. А сам господин был киборгом, на человека похожим лишь внешне.

Откуда весь этот хайтек за тысячи лет до фараонов — отдельная песня. Скажу лишь, что не угадали. Не из глубин космоса. А еще замечу, что болвану этому кибернетическому круто не повезло. Надо ж было на несравненную и неотразимую Фокси нарваться!

Смогла я даже его электронные мозги — вынести. Предварительно утопив во словесно-смысловом бреде, который мы, существа из плоти и крови, чувствам не чуждые, иногда называем «приколами».

В конце концов, удалось мне этому киборгу, бедняге дать команду на отключение. И он, весь такой умученный, согласился.

Другого и не ожидала. А теперь мотаю на ус: оказывается, моим чарам покорны даже те мужчины, которые не совсем мужчины. Нет, это я не про геев. Хотя попробовать стоит. Хи-хи-хи.

В общем, отключился киборг, и тарелка его оказалась в нашем с Аликом полном распоряжении.

Ну а что было дальше, лучше Алик пусть сам расскажет.

Он ведь хороший у меня. Взбалмошный немного, слегка ленивый и чуточку дурной. Но все равно #прикольный.

Ему слово...

* * *

Что самое трудное в управлении «летающей тарелкой»?

Хе-хе, странный вопрос на первый взгляд и особенно если не понимать контекста. Задай его первому встречному, и тот удивленно покрутит пальцем у виска.

Но я-то не первый встречный, и ответ знаю. Самое сложное — найти, где в «летающей тарелке» расположен выход. Нормальный выход, с люком и трапом, а не отсек с отверстием в полу и с гравитационным подъемником. С чьей помощью прежний хозяин... точнее, пользователь «тарелки» похищал несчастных юных крестьянок.

В том, что этот выход существует, я не сомневался. Должен же был как-то киборг этот, на Кена похожий, покидать свою посудину хотя бы для переговоров с теми же крестьянами. Вряд ли он пользовался гравитационным подъемником — к такому выводу я пришел почти сразу. Ведь подъемником кто-то должен был управлять. Остаться на борту «тарелки», у пульта управления. Тогда как «Кен» был единственным членом ее экипажа за исключением специализированных роботов. Этих, последних, я в расчет не брал. Очень уж они примитивны и потому пассивны.

Но где именно искомый люк находился — в таком на первый взгляд совершенно осесимметричном сооружении, как «летающая тарелка»? Ну, чисто волчок, только что не вертится!

А главное: как заставить этот люк раскрыться, а трап выдвинуться? Потому что сделать это, тупо кнопку нажав, было не предусмотрено. В чем я тоже быстро убедился.

В остальном, без ложной скромности замечу: управление тарелкой далось мне легко. Сенсорный экран, графический интерфейс — все в рубке, словно нарочно было устроено так, чтобы максимально упростит жизнь юзера. Что обучение, что пользование.

Да, поначалу глаз резали незнакомые символы чужой письменности — с которыми даже ЛНМ ничего не мог сделать. Он ведь только устную речь воспринимал.

Но я быстро привык. В этом и прелесть графического интерфейса. В универсальности, языковому барьеру не подвластной. Бьюсь об заклад, если в нашем времени подsunуть какому-нибудь, даже не слишком продвинутому, юзеру Винду, не просто не русифицированную, но версию на китайском языке или, скажем, суахили — он худо-бедно справится. По крайней мере, поймет, что это Винда, а не что-то другое. И хотя бы найдет, как отключиться, не трогая кнопку на системном блоке.

Понял и я — как заставить «тарелку» мотаться туда-сюда над землей, набирать высоту или снижаться. Как открывать пресловутое отверстие в полу круглого отсека и пользоваться

гравитационным подъемником. С помощью этой функции мы с Валею еще катапультировали отключившегося «Кена» в какую-то горную реку с порогами и водопадами. Так, чтобы шансов уцелеть и всплыть снова работоспособным, у него было не больше, чем у свиной отбивной — снова ожить и захрюкать.

Но блин... ох, и тяжелый он оказался, гад!

А вот чтобы люк с трапом найти — тут пришлось уже не руки, но мозги поднапрячь. Прибегнуть к методу «научного тыка», серьезными учеными не очень-то уважаемом, несмотря на название. И надеяться, что очередной клик по очередной кнопке на экране не вызовет функцию самоликвидации «тарелки». Или, скажем, принудительное катапультирование незадачливого пилота.

А что делать? Документация-то вся, руководство пользователя, если даже имелась, то сплошь на этом чужом, давно мертвом языке.

Но сладил я и с этой трудностью. Дорогу осилит идущий. Разобрался — и вот мы с Валею выходим вслед за освобожденными девушками через вожделенный люк. Из «тарелки», которую я посадил поблизости от деревни старосты Мило. Найти последнюю труда не составило: пульт управления был помимо прочего оборудован хорошим навигатором, а в памяти бортового компьютера содержались удобные карты — подробные, трехмерные. Благо, речка с деревянным мостом и лес по соседству послужили неплохими ориентирами.

Приземлились мы вечером, в сумерках. Жители деревни как раз возвращались с поля да скот гнали с пастбища. И заметив севшую неподалеку «тарелку» (она же «летающая повозка» или «шатер») нехорошего господина, дружно двинулись в ее сторону. Прихватив с собой, кто вилы, кто кол. Поквитаться захотели, не иначе. Надеюсь, что уж всей гурьбой с ним одним точно сладят.

Каково же было их удивление (я уж не говорю про лица!) когда вместо похожего на Кена «господина» им навстречу вышли — чья-то дочь, чья-то сестра, чья-то племянница, подруга или просто соседское чадо. Кинулись к односельчанам со слезами радости, объятая раскрывая.

А следом мы с Валею. Такие скромные, почти незаметны. Вроде как даже и ни при чем.

Впрочем, и нас нашлось, кому встретить да поприветствовать. Сам староста Мило, отделившись от толпы односельчан, засеменял нам навстречу.

— Воин! Ты спас их! — воскликнул он, обнимая меня, чуть ли не повисая на мне, что, честно говоря, пришлось не очень мне по душе. Вот был бы он девушкой посимпатичнее — тогда другое дело.

А тут еще Валя, рядом стоявшая, как бы невзначай насвистывала мотивчик «Просто Щелкунчика», шлягера Бори Моисеева, на нас глядя.

— Спас! Победил негодяя...

Сказать по правде, победил означенного негодяя отнюдь не я. Да и называть этим словом искусственное создание, не по своей воле действующее, у меня не поворачивался язык. Как по мне, негодяями были те, кто этого «Кена» послал охотиться на бедных аборигенок.

Но ни спорить, ни отнекиваться, утверждая обратное, я, конечно, не стал.

— Теплых ночей тебе, воин, — наконец, покончив с обнимашками и отстранившись, проговорил Мило, не догадываясь, до чего двусмысленно это прозвучало, — пусть Мать-Земля будет добра к тебе, пусть Отец-Небо не застит солнце, а Морглокх сжалится...

— А как насчет земли пухом? — хмыкнув, подала голос Валя. Видать, соскучилась по

КВНовскому прошлому. И поупражнявшись в остроумии в беседе с киборгом (роковой для него), никак не могла остановиться.

К счастью, Мило был настолько восхищен, настолько эйфория его захлестнула, что реплику Валину даже как будто и не услышал. Ну а если бы и услышал — едва ли понял.

В конце концов, для каждой эпохи свои пожелания. И у каждого народа.

Сделал вид, что пропустил мимо ушей сказанное подругой и я.

Дальше по законам квеста (кто на компе играл, соврать не дадут) меня, как вроде бы виновника торжества, должны были щедро наградить. Вот только чем живущие в убогих землянках крестьяне могли вознаградить меня? Человека из далекого для них будущего — рядом с ними просто-таки сказочно богатого. Чью комнату в общежитии даже сравнивать невозможно с местными жилищами.

Вот и Мило, понимая это хотя бы интуитивно, даже не пытался предлагать мне никаких даров, ценность представлявших (что греха таить), разве что для него и односельчан. А может, предложить было попросту нечего. Не факт ведь, что крестьяне эти даже досыта наесться могли каждый день.

Староста просто отступил от меня на пару шагов, покончив с нехитрыми славословьями. Да и замер, не торопясь уходить к толпе односельчан. Стоял, смотрел. Будто налюбоваться не мог на своих спасителей.

Ну и ладно. Все равно, ни на какие плюшки, ввязавшись в историю с «господином на летающей повозке» я не рассчитывал. Хватит мне и одного приза, получить который я надеялся отнюдь не от Мило. Возможности вернуться в свое время — открывшейся теперь, когда киборг был обезврежен, а похищенные им девушки спасены.

Рассчитали мы тут с Валею верно. Глянув последний раз (перед посадкой) на пульт, я с удовлетворением увидел, что синхронизация уже близка аж к девяноста процентам. Должно хватить.

Внезапно всеобщую идиллию нарушил грохот.

Испуганно вздрогнул староста Мило. Немедленно стихли вскрипы и возгласы радости в толпе его односельчан. Крестьяне вмиг замолчали, посерьезнев, и даже подобрались. Чем напомнили солдат при приближении чрезмерно строгого и сурового командира.

Оглянулся и я — громынуло как раз за моей спиной.

Откуда-то из-за леса поднимались клубы дыма. Затем грохот повторился — одновременно со вспышкой пламени, особенно заметной на фоне темнеющего неба.

— Никак Отец-Небо гневается, — осторожно проговорил староста. Но в собственных словах, чувствовалось, не был уверен и сам.

Тогда как я, в отличие от него, сразу понял, что происходит. Успев понаблюдать аналогичные шумовые и пиротехнические эффекты хотя бы в фильмах о войне. Особенно документальных. Да и живьем иногда тоже — во время командировок. Хотя вообще в институте нашем на поля сражений стараются не соваться без очень-очень веской причины. К каковым подсчет подбитых танков на Курской дуге, например, не относится. Все-таки мы ученые, а не бухгалтеры.

Конечно, и для меня этот рукотворный грохот оказался сюрпризом. Но не полнейшей неожиданностью. Ведь если в этой, на первый взгляд примитивной, эпохе нашлось место высоким технологиям в виде киборгов, «летающих тарелок» и графического интерфейса, то почему бы не быть артиллерии? Или даже ударной авиации?

Что служило мишенью для ударов этой авиации (а может, артиллерии), и что еще могло

послужить, я не знал и гадать не пытался. В одном был уверен: когда поблизости грохочет канонада, рвутся снаряды, ты в опасности, даже если те, кто эти снаряды пускает, не считают лично тебя врагом.

Не считают-то они, может, и не считают. Но вот снаряду или осколку это не объяснишь. Снаряд (не говоря про осколок) может прилететь не туда, куда планировалось. В том числе и в безвинного тебя.

А потому я сказал единственное, что должен был и мог в такой ситуации. Не вдаваясь в сложные... точнее, учитывая аудиторию, даже безнадежные объяснения.

— Уводи людей, — обратился я к старосте Мило, — всех, кого сможешь. И подальше... но, разумеется, не в ту сторону, откуда дым. Вещи, скот... все бросайте. Уходите налегке... так быстрее.

— А ты?..

— А я попробую их задержать, — отвечал я. И за руку потащил Валю к «тарелке».

Валя, впрочем, не упиралась. Тоже поняла, что происходит.

— Зря, что ли мы их спасали? — уже внутри летающей посуды я решил объясниться. — Чтобы какие-то гады бедняжек разбомбили заодно со всей деревней? А что, если хотя бы одна из этих девушек приходится далеким-предалеком предком Моцарту? Или Менделееву?

— Или Бузовой, — попыталась было подколоть меня Валя. Не слишком, впрочем, усердствуя. Ибо правоту мою в целом признавала.

— А хоть бы даже и так. У нее ведь тоже свои поклонники есть, — ничуть не смутился я, — и им будет ее не хватать.

После чего добавил:

— В общем, думаю, если мы и здесь справимся, синхронизация ста процентов достигнет. И можно будет со спокойной совестью и чувством выполненного долга — сваливать. Домой, в родное время.

На экране радара красовалось трехмерное, несколько упрощенное — как на чертеже, зато вполне детальное изображение рукотворного монстра. Творения безумного конструктора. Летательного аппарата с корпусом обтекаемой формы, из чьей передней части во множестве выступали небольшие пусковые установки. Как на системах залпового огня. Только данный аппарат мог выпускать свои снаряды не залпами, а поодиночке. Как раз на моих глазах, один из таких снарядов (на радаре — светящаяся точка) отделился от одной из пусковых установок и устремился по баллистической траектории вниз.

«Похоже, снаряд неуправляемый», — догадался по траектории ваш покорный слуга.

Контуры рукотворного монстра были выведены на экране зеленым цветом. Типа, дружественный объект — догадаться труда не составило. Точнее, дружественным он являлся для «летающей тарелки», нами захваченной. Поскольку, не иначе, создала и послала его та же цивилизация. Островок высоких технологий посреди древнего мира.

Что до меня, то я... да и Валя, надеюсь, с агрессорами не дружим. Так что зеленый цвет меня не убедил.

Еще, глядя на химерный летательный аппарат, поневоле вспомнилось, что в создании подобных химер некоторые весьма оригинально мыслящие конструкторы изошрялись накануне Второй мировой войны. Чего только не придумали — и танки с несколькими орудиями, и сухопутные крейсера, и гигантские бронированные дирижабли-бомбардировщики, и электрические пушки. И многое, многое другое.

А когда дело дошло-таки до войны, оказалось, что иметь на вооружении подобных монстров — все равно, что выгуливать на поводке слона. Круто, но абсолютно непрактично. Когда живая сила гибнет миллионами, а счет технике, превратившейся в обгоревший металлолом, идет на тысячи, количество становится важнее качества. И обеспечить нужды фронта возможно при одном условии — если оружие и техника относительно просты в производстве. Тогда как вышеперечисленные шедевры военно-инженерной мысли простоты были лишены по определению. И в таком случае, что в них толку? Если, чтоб подбить танк, бывает достаточно одной гранаты. И не важно, сколько у него орудий.

Но это — в двадцатом веке, оказавшемся донельзя щедрым на мясорубки. Тогда как эпоха, в которую занесло нас с Валею, больших войн и массовых армий, похоже, не знала. Реликтовой высокотехнологической цивилизации, создавшей и «летающую тарелку», нами захваченную, и это летающее чудо-юдо, воевать, похоже, по-настоящему не приходилось. Всерьез воевать — так, чтоб стоял вопрос о выживании всей нации. Не с кем. А потому она могла породить таких вот непрактичных чудовищ.

— Ну и что дальше? — спросила Валя, вдоволь наглядевшись на монструозного летуна. — Что мы можем сделать? На нашей-то «тарелке» оружия нет... я так понимаю. Или ты что-то обнаружил?

— Оружия нет, — подтвердил я, — судно, похоже, сугубо мирное, транспортное. Ну, если не считать, что использовали его в далеко не мирных целях. То бишь, для похищения людей. Однако...

Я сделал драматическую паузу, этим «однако» попытавшись подругу заинтриговать. После чего продолжил:

— Раз уж мы затронули вопрос использования мирной техники, то напомним тебе об одной порочной склонности хомо сапиенсов. Превращать в оружие даже предметы заведомо мирного назначения. Ну, когда стоит вопрос о выживании. Особенно в этом заключенные преуспели. Даже из хлеба научились лепить колющие предметы, хоть и одноразового использования.

А затем добавил, вспомнив и хлопнув себя по лбу:

— Да что я тебе рассказываю! Ты ж и сама... умудрилась превратить дурацкие шуточки-загадки в оружие против киборга. Разве нет?

— Э-э-э... ты это к чему? — не поняла Валя.

— Да к тому, что я, кажется, знаю, что делать. Главное — не тянуть время.

Я провел пальцами по сенсорному экрану, уменьшая масштаб и превращая монструозный летательный аппарат просто в зеленую точку. Затем наложил на изображение, передаваемое радаром, трехмерную карту местности. И, наконец, перейдя к панели управления, двинул «летающую тарелку» в сторону нового посланца «острова на полуденном пути».

Смертоносный аппарат ждал нас по другую сторону леса. Где — как я увидел, включив передачу в рубку изображения с наружных камер — расправлялся в тот момент то ли с деревушкой, то ли с горсткой стоящих по соседству хуторов.

Большинство построек успели превратиться в груды головешек. Живых людей поблизости видно не было. Успели, видать, не будучи дураками, убраться подальше. Но выкидыш древнего ВПК не унимался. И к моменту нашего подлета успел выпустить очередной снаряд. На наших глазах разнесший в щепки пару рядом стоящих домиков.

Только после этого человек, управлявший боевой химерой, решил, что с данным поселением все. Миссия выполнена, цель поражена, пора переходить к следующей.

Предупредительно обогнув «тарелку», летательный аппарат полетел над лесом... прямо в сторону деревни старосты Мило, гад этакий! Так что, получалось, не зря я советовал ему и односельчанам убраться подальше и побыстрее. Оставалось надеяться, что крестьяне последовали моему совету. А еще — что я успею настичь агрессивного летуна. И задумка моя сработает.

В момент сближения я еще заметил, что аппарат этот совсем невелик. Гораздо меньше «летающей тарелки». И даже, кажется, легковушке он размерами уступал. А значит, скорее всего, был беспилотным и управляемым дистанционно.

Это значило, что, во-первых, я не отягощу свою совесть лишней смертью, а во-вторых, если то, что я задумал, не выгорит, у меня останется в запасе план «Б». Использовать преимущество в размерах и на полном ходу сшибить летучего монстра с небес. Как тараном. Хотя конечно, не хотелось бы так поступать, и чтобы это вообще потребовалось. Грубо слишком. Да и не исключено, что в «тарелке» предусмотрен некий страховочный механизм, предупреждающий столкновения.

В общем, насколько можно, я собирался придерживаться исходного замысла.

Под зачарованным и заинтригованным взглядом Вали я колдовал над пультом управления, направив «тарелку» вслед за боевым летуном. До поры, разумеется, держа дистанцию.

Так я следовал за рукотворным чудищем, пролетая над лесом, затем над лугом и дальше, вплоть до того, как на экране, принимавшем изображение с наружных камер, не показались примитивные постройки деревни старосты Мило.

С удовлетворением я заметил, что ни одной живой души среди этих землянок не видать. После чего прибавил скорости — пошел на обгон.

Некто, со своего диковинного острова управлявший химерным аппаратом, на последний маневр мой, похоже, не обратил внимания. Да и неприятностей вообще не ждал. Ведь «летающая тарелка» у него наверняка тоже мирно зеленеет на экране, воспринимаясь как объект дружелюбный, свой.

Наконец, не придававший значения нашему соседству и ничего не подозревавший вояка с «острова на полуденном пути», зависнув над деревней, выпустил в ее сторону один из снарядов. И в этот момент управляемая мной «тарелка» вылетела навстречу снаряду. Но так, разумеется, чтобы не оказаться на его пути, а находиться несколько повыше.

Затем я активировал гравитационный подъемник — задав мощность побольше. Но люк в круглом отсеке оставил закрытым.

Снаряд прочертил дымный след в воздухе, постепенно снижаясь. Поравнялся с «летающей тарелкой». И... оказавшись в зоне действия гравитационного подъемника, резко отклонился от курса и устремился к днищу «тарелки».

Мне, ясен пень, не хотелось, чтобы снаряд врезался в тарелку и, взорвавшись, подбил ее. Так что я спешно подрегулировал настройки источника искусственной гравитации, задействовав оба режима — и притяжение, и отталкивание. Так, чтобы одна сила уравновешивала другую.

Получилось. Снаряд беспомощно замер в воздухе. Точно муха, влипшая в невидимую паутину.

— Бинго! — торжествующе воскликнул я, вскинув обе руки. Сработала-таки моя задумка.

— Круть! — отозвалась и Валя, теперь понявшая, что я затеял, и охотно разделившая мою радость от успеха.

Хотя... то, чего я достиг, пока было, скорее, лишь половинкой успеха. План мой немудрящий я выполнил только частично. Пришла пора довести его до конца.

И в этот момент в рубку ворвался возмущенный чужой голос. Говорил он на незнакомом (для нас с Валеи) языке, но лингвистический нейросетевой модуль был начеку и немедленно перевел:

— «Жнец», это «Гор». Вы препятствуете проведению боевой операции, санкционированной Советом архонтов. Прошу вас немедленно покинуть зону боевых действий.

Я в ответ только хмыкнул. Ишь, как назвался-то: «Гор». Не то тезка одного из древнеегипетских богов, не то однофамилец незадачливого вице-президента США, в далеком двухтысячном году продувшего выборы и ставшего одним из отрицательных персонажей сериала «Саус парк».

Впрочем, в тот момент это имя вызвало у меня другую ассоциацию. Гор, значит? Тогда как звать-величать твоего монструозного смертоносного и беспилотного миньона, которому мы препятствуем. Горынычем? А что, похож! Летает, пышет огнем. Да и пусковые установки при толике воображения сойдут за множество голов на длинных шеях.

Да и, тупо сея смерть и разрушение среди незащитных дикарей, назвать это «боевой операцией» было слишком сильно. С тем же успехом я, прихлопнув парочку тараканов, в изобилии населяющих нашу общагу, мог назвать себя участником боевых действий. И пойти потребовать подходящих данному статусу наград и льгот.

В любом случае, ни отступать, склоняясь перед начальственным голосом этого «Гора», ни лясы точить я не собирался. Все, чего хотел — выполнить свой план до конца. Для чего, удерживая искусственной гравитацией снаряд, поднял тарелку аккуратно над вражеским беспилотником, а затем отключил притяжение гравитационного подъемника, оставив только отталкивание.

Обретший свободу и подстегнутый силой тяжести, усиленной толчком искусственной гравитации, снаряд рухнул сверху на давеча выпустивший его аппарат. Словно птица помет уронила — ни дать ни взять.

Результат превзошел даже мои, довольно оптимистичные, ожидания. Достигнув цели, снаряд взорвался, а с ним развалился на разлетающиеся куски и высокотехнологичный Горыныч. Обвешанный оружием, он оказался лишен брони и, похоже, вообще элементарной защиты.

Оно и понятно. От кого защищаться-то? От дикарей с дубинками, в лучшем случае — с мечами? Ясен пень, в этот технически неразвитый край беспилотник «острова на полуденном пути» отправили не для боя, а просто для истребления и запугивания тех, кто не в силах ответить.

Ну и получили. Так опытный охотник с крутым ружьем, научившийся почти без промаха стрелять по птицам, может огрести люлей от обычного гопника. Не отягощенного стрелковой подготовкой и куда хуже вооруженного. Зато готового (в отличие от охотника) к драке.

И снова чужой голос вышел на связь:

— «Жнец»! «Жнец»! Это «Гор»! — даже сквозь бесстрастный машинный говорок ЛНМа я не без злорадства различал взволнованные нотки. — Что у вас происходит?

— Что происходит, вас интересуется, милейший? — переспросил я с издевкой.

Да сам же и ответил:

— А то, уважаемый, что этот ваш «Жнец» оставил дома косу и балахон, принял облик как у фотомодели для глянцевого журнала, но ему это не помогло. И теперь «Жнец» этот спит с рыбами. В прямом смысле.

На несколько секунд повисло напряженное молчание. Не иначе, мои слова шокировали этого так называемого «Гора». А затем поверх экрана пульта управления, заслоня интерфейс, замигала большая надпись. По-прежнему незнакомыми символами... но смысл понять ее не составило труда. Когда, при попытке обратиться к любой из функций управления, все они вдруг оказались мне недоступны.

А «летающая тарелка» тронулась в путь без всяких команд с моей стороны.

— Что... что происходит? — теперь уже растеряно вопрошала Валя, почему-то озираясь по сторонам. То на пульт управления оглядываясь, то на экран радара, то на другой экран. На который передавалось изображение с внешних камер.

— Вы арестованы за похищение и порчу имущества, задействованного в мероприятиях, проводимых Советом архонтов, за препятствование операции, санкционированной Советом архонтов, — словно ответил на ее вопрос голос «Гора», — на похищенном вами судне включен режим внешнего управления. Вместе с судном вы будете принудительно доставлены в Посейдонис для проведения следственных мероприятий.

— Ну уж нет, — заявил я, доставая из кармана пульт и помахивая им, — ваши мероприятия теперь без нас. Придется довольствоваться одним... хе-хе, судном. И не забудьте выносить то судно, что под вами, кстати. Чао!

С этими словами я одной рукой приобнял за плечи подошедшую Валью, а пальцем другой (державшей пульт) нажал на кнопку возвращения.

Чтобы уже секунду спустя разочарованно и в отчаянии взвыть.

Потому что и в этот раз пульт нас в двадцать первый век отчего-то не доставил. Неисправный, может?

Но нет! По крайней мере, функция, замерявшая степень синхронизации, работала нормально. И... я зря, прежде чем жать на кнопку, эту самую синхронизацию не проверил. Потому что, пока я гонялся за летучим беспилотным агрессором, ее значение успело снизиться до обескураживающих сорока восьми процентов.

— Однако! — только и мог вымолвить я, откладывая пульт.

Что до Вали, то она вообще промолчала. Зато ее вмиг погрузневший и растерянный взгляд был красноречивее всяких слов.

Сколько времени длился этот принудительный полет, сказать не возьмусь. Тут даже смена дня и ночи не самый надежный подсказчик, коль приходится на пути менять часовые пояса.

Но по моим личным ощущениям прошло не меньше суток. И хорошо, что на борту «тарелки» имелся небольшой запас продовольствия, а также, пардон, туалет. Для пленников, не иначе. Ведь киборгу и то и другое, ясен пень, без надобности.

Еда на борту не отличалась аппетитным видом и вкусовыми качествами. Какие-то брикеты сушеных, спрессованных водорослей, которые, как «доширак», требовалось размочить горячей водой. За таким занятием я еще не мог не вспомнить прелести проживания в общежитии, особенно в студенческие годы. О да! Только вот ностальгических чувств это воспоминание почему-то не вызвало.

Но и на том, как говорится, спасибо.

Хотя, с другой стороны, было б за что благодарить. Что с нами сделают по прибытии, я не знал. Не исключал, что даже казнят. И тот факт, что перед казнью (пусть и только гипотетической) нам не дали умереть с голоду, не чувство благодарности у меня вызывал, а желание иронизировать. Заставив, помимо прочего, вспомнить выражение «без порток, но в шляпе».

Одно обнадеживало: уровень синхронизации во время полета снова начал потихоньку расти. Но слишком уж потихоньку — едва пару процентов успел прибавить. Так что шансов удрать в двадцать первый век раньше, чем до нас доберутся хозяева «тарелки», практически не было.

Что до Вали, то ее неудача с возвращением, похоже, вовсе выбила из колеи. Нет, она не закатывала истерики, не пыталась рыданиями облегчить собственную душу, отягощая мою. Напротив, вела девушка теперь себя тихо, даже слишком. Со мной почти не разговаривала и дулась.

Бродила по помещениям «тарелки» и дулась. Таскалась с разряженным айфоном, ища, где бы его зарядить — и дулась тоже. Дулась, принимая пищу или когда, не найдя возможность подзарядить айфон, забредала от нечего делать в рубку. Где немым укором маячила у меня перед глазами.

И что хуже всего — даже не пыталась упражняться в остроумии. Будто растеряла всю свою веселость и находчивость. Отчего смотрелась столь же жалко, как безногий человек на инвалидном кресле или слепой старик с палочкой. Что тоже утратили нечто для себя важное.

Сам я рубку почти не покидал. А чтобы не было сильно скучно, время от времени посматривал изображение с наружных камер или разглядывал карты, меняя их масштаб. Эти функции, в отличие от управления, арестовавшие нас хозяева «тарелки» не заблокировали.

Ночная панорама, с камер переданная, не стала для меня сюрпризом. Я даже хмыкнул при виде нее — так, мол, и знал.

Бескрайние просторы, целый континент, погруженный во тьму. И никаких скоплений огоньков, отмечавших присутствие в этих ночных землях современных мегаполисов — которые, как известно, никогда не спят, а потому освещены даже в самые глухие часы.

Да и не только мегаполисов. Развитого общества, как такового тоже. А это значило, что «остров на полуденном пути», о котором толковала колдунья, был не просто самым продвинутым государством на планете, но и единственным местом, где знали, что такое электричество, воздухоплавание и искусственный интеллект. Да не считали магией огнестрельное оружие или искусственную гравитацию.

Чудно! Хотя в истории человечества... известной нам, примеры такого неравномерного развития не так уж редки.

К примеру, в средневековом Китае изобрели не только порох, но и печатный пресс. В те времена, когда даже в Европе, своим прогрессом кичащейся, приносились человеческие жертвы, а правосудие заменяли ритуальные поединки. Не говоря уж о не знавших грамоты и расписывавшихся крестиком правителях, появившихся, кстати, несколько позднее. Тогда как их предшественники вообще не представляли, зачем расписываться.

Да и Европа... тысячи лет не понадобилось, чтобы уже ей сделаться центром цивилизованного мира. Только там солдат вооружали огнестрельным оружием — настоящим, а не тупо источниками шумовых эффектов, как у того же Китая. Только выпускники европейских университетов знали, что такое планеты, что скорость падения не зависит от массы падающего предмета, что из плесени можно делать лекарство, а вот золото из других металлов — ни-ни. И только из европейских портов выходили суда, чтобы бороздить планету от края до края. Да то и дело натыкались на дикарей, ни о лекарствах, ни о планетах или огнестрельном оружии и слыхом не слыхавших.

И даже в двадцать первом веке, в котором мне посчастливилось жить, остаются еще на Земле уголки, где люди живут так, как жили их далекие, едва вылезшие из пещер, предки. Когда, если захотелось поесть, в ближайший торговый центр сгонять не получится. Охотиться надо, а это удовольствие, порой, не на одни сутки. Когда жилище не строят, а таскают с собой. И речь не об улитке! Когда, если соскучился по какому-нибудь другу или родственнику, только и остается, что поехать в гости. Обходясь без Скайпа, социальных сетей, электронной почты или даже мобильной связи. Когда несколько десятков километров — охренительная даль, потому как автобусы, самолеты или электрички тебе не доступны. Когда ежедневная культурная программа сводится к прослушиванию баек пожилых соплеменников или предостерегающих историй племенного шамана. И главное, когда достаточно пару раз в месяц искупаться в реке, чтобы прослыть редкостным и завзятым чистюлей.

Не так уж мало на Земле двадцать первого века таких уголков. Африка, Афганистан, джунгли Бразилии. Да и на родине у меня некоторые народности так живут. Особенно на Крайнем Севере.

И, тем не менее... когда где-то есть киборги и беспилотные летательные аппараты, а на всей остальной планете дубинки, землянки и хорошо, если мечи — это, пожалуй, уже перебор. Как могла возникнуть столь развитая цивилизация в мире, едва научившемся обрабатывать металлы, понять я не мог. Что подстегнуло ее развитие? Что — если достойных противников нет, а климат на пресловутом острове наверняка мягкий, теплый, как на курорте. Благодаря чему жизнь на нем удобна и без технологических новинок и наворотов.

Что-то... искусственное даже виделось мне в такой неравномерности. И я в ту пору еще не знал, насколько близок был к истине. Сколь умудрился к ней приблизиться практически сослепу.

Не меньше заинтриговали меня навигационные карты, которые я разглядывал, легкими движениями пальцев меняя масштаб. Р-раз — и окружающая местность, над которой в тот момент пролетала «тарелка» с нами, сжималась в точку. А я имел возможность полюбоваться на очертания побережий и всего континента.

Хотя «полюбоваться», наверное, не совсем подходящее слово. Скорее, удивленно присвистнуть, скребя ногтями ни в чем не повинный затылок. И так раз за разом.

Было ясно, что пролетали мы над Евразией, очевидно — что держим курс на юго-запад. Но вот узнать конкретные участки суши, страны, которые спустя тысячи лет должны были на них возникнуть, получалось с трудом.

Британские острова полностью слились со Скандинавским полуостровом — большая часть Северного моря была занята сушей, как Белое и Балтийское моря, а также Ла-Манш и Бискайский залив.

Сама Скандинавия имела гораздо большие размеры и более причудливую форму, чем в наши дни. Узкий «хвост» мыса отходил от нее, простираясь на северо-восток.

Заинтересованный, я проследовал взглядом вдоль этого «хвоста», затем еще больше уменьшил масштаб, еще больше. Пока не заметил к северу от Евразии побережье другого континента, а может, большого острова. Там, где, если верить географам да полярным экспедициям, лишь океан, Северный Ледовитый, да бродят белые медведи. Ну, еще нефть вроде бы есть.

Другой континент — за полярным кругом?! И откуда он мог там взяться? Точнее, куда делся спустя невесть сколько тысяч лет?

Вот тоже хороший вопрос. Сколько ж времени должно пройти, чтобы один континент успел провалиться в тартарары, а другой изменил форму до такой степени? Я, хоть не геолог и не географ, но знаю, что даже тысячелетиями здесь не обойтись — при таких процессах счет времени идет на миллионы лет.

Неужели человечество древнее, чем принято думать? Причем именно наш вид «человек разумный», а не древние приматы, едва с деревьев слезшие?

А может, тут постарался какой-нибудь катаклизм планетарного масштаба? Что ж, если это так, то я бы тем более предпочел оказаться подальше от этой странной эпохи.

Казалось бы, удивить меня было уже нечем. Но казалось напрасно. Потому что... хоть я поздно ват сел перед экраном, где карты отображались, но траекторию нашего пути просчитать смог в обе стороны. Просто по углу, под которым двигалась «тарелка». Исходя из того, что кратчайший (то есть наиболее рациональный путь) — по прямой. И хозяева «тарелки» с таинственного острова это тоже признают и понимают.

Так вот, судя по углу и направлению, выходило, что забрали «тарелку» с нами внутри не абы откуда, а с того, ныне отсутствующего континента к северу от Евразии.

К северу, Карл! Расположенного даже не за полярным кругом, а у самого полюса. Только вот почему-то ничего, с чем обычно сталкиваются в своих экспедициях полярники, я в том краю не заметил. Ни скопищ льда, ни белых медведей. Ни, тем более, морозов, от которых мы бы с Валею быстро бы дали дуба. В наших летних прикидах-то.

Да, прохладно там было слегка, даже летом. Но не более. Климат вполне себе соответствовал умеренному поясу. Пусть даже северной его части, где леса в большинстве своем хвойные.

И как прикажете это понимать? В пору было вспомнить Кэрролловскую Алису с ее сакраментальным «все чудесатей и чудесатей». Потому что неувязку между климатом и

географией даже геологическими процессами, миллионами лет длящимся, было не объяснить. Мне, во всяком случае.

После такого я, уже ближе к концу пути, совершенно спокойно воспринял такую мелочь, как отсутствие Средиземного моря. Черное море никуда не делось, правда, называть его в эту эпоху правильнее было озером — подобно Каспию. Вот только размером оно было больше Каспийского и Черного морей двадцать первого века, вместе взятых.

Гигантский водоем простирался с юга на север аж до территории нынешней Белоруссии. В наши дни от большей его части осталась разве что река Днепр с притоками. Зато в эпоху, в которой мы застряли, то место реально могла перелететь разве что редкая птица. Очень-очень редкая.

Африканский континент слипался с Европой. Но сам оказался заметно меньше, чем в мое время — чуть ли не вдвое. Без мыса Доброй Надежды. И обрывавшийся южнее нынешних Габона и Конго.

Но главный географический сюрприз ждал меня в Атлантическом океане. Большой, примерно с Британию, остров примерно к западу от Пиренеев и Гибралтар. Туда-то мы и держали курс, если мои оценки траектории полета были верны.

— Ё-мое! — проговорил я, — так вот ты какой... остров на полуденном пути!

Конечно, строго говоря, путь не полуденный — остров располагался к юго-западу, а не ровно к югу от того места, откуда жители острова забрали свою «тарелку» с нами внутри. Но колдунье, о нем нас предостерегавшей, подобную географическую неточность можно было и простить. Куда ей за точностью гоняться. Без карт, компаса и даже школьного образования.

— Атлантида, — меж тем подала голос присутствовавшая на тот момент в рубке Валя, подойдя ко мне и заглядывая через плечо на экран с картой.

— Чего? — не понял я.

— Твой любимый «остров на полуденном пути» обычно называют Атлантидой, — медленно, с расстановкой отчеканила девушка.

А затем добавила несколько раздраженно:

— Блин! Я думала, ты и сам догадался. Расположен остров в Атлантическом океане. Столица называется Посейдонис. И как, по-твоему, он должен называться? Я понимаю, что ты Дуралекс, но не до такой же степени.

— Ну уж, простите, — не удержался от ерничества я, — привык, знаете ли, считать Атлантиду мифом. Как, собственно, большинство серьезных ученых. Да что там, даже древние греки относились к Атлантиде как к чему-то гипотетическому и легендарному. Ты бы еще кентавров с минотаврами надеялась в прошлом встретить.

— Ну, вот он, твой «миф», — хмыкнула Валя, — приближаемся к нему полным ходом. И надеюсь, что посадочная площадка окажется настоящей, а не мифической. А то костей не соберем.

И чем крыть такой довод? Факт-то был, что называется налицо.

Валя же не преминула закрепить в нашем товарищеском матче по интеллектуальному превосходству хоть небольшой, но успех.

— А насчет кентавров-минотавров, дорогой Дуралекс, — были ее слова, — скажу тебе так. Дыма без огня не бывает. Вот, скажем, встретили древние греки кочевников, которые с лошадей не слезают. И издали... ну или в сумерках, когда света не хватает, эти кочевники вполне могли показаться со своими лошадьми единым целым. Голова и руки человеческие, ноги и туловища лошадиные. Так же и с минотаврами. За них вполне могли принять каких-

нибудь варваров — диких, косматых и могучих. А главное, в рогатых шлемах.

«Как и за Змея Горыныча — летательный аппарат с кучей пусковых установок для реактивных снарядов», — мысленно добавил к сказанному ею я, пожав плечами.

Что-то в Валиных рассуждениях действительно было. Правда, дело не только в искаженном зрительном восприятии — от недостатка света или по другой причине. Не стоило забывать и эффект «испорченного телефона», ибо предания, сказания и легенды передавались, как правило, устно.

В любом случае, спорить и здесь я не стал. Пусть считает себя умнее, если хочет.

Вот только... не все ли равно, кто умней, если оба мы — пленники.

Наружные камеры «тарелки» передавали панораму величественного мегаполиса, просто-таки города будущего, рядом с которым наши города выглядят примитивно и простовато.

Всюду, насколько хватало глаз, высились, сверкая стеклами на солнце, небоскребы. Форму они имели своеобразную: не напоминали башни и уж точно не были примитивными коробками и гигантскими бетонными штырями, из земли торчащими.

Нет, каждое сооружение имело вид ступенчатой пирамиды, чем напоминало храмы древних майя или месопотамские зиккураты. Точнее, это зиккураты и пирамиды майя были грубым (на уровне культа карго) подражанием архитектуре атлантов.

Между небоскребами-пирамидами носились туда-сюда летательные аппараты, многочисленностью своей напоминавшие стаи гнуса. Встречались среди них и «летающие тарелки». Хотя чаще на глаза попадались устройства более мелкие, юркие и остроносые как лисья мордочка.

На террасах пирамид были разбиты скверики и газончики. Взявшись за руки, там прогуливались влюбленные пары. Носились дети, то друг за дружкой гоняясь, то удирая от взрослых.

Когда захваченная нами «тарелка», пролетая, оказывалась вблизи того или иного здания, некоторые из прогуливавшихся горожан принимались зачем-то махать руками. Интересно, знали ли они, что это не их сограждане, вполне добропорядочные, летят. Но арестанты и опасные преступники, имевшие гнусность вступить за каких-то дикарей? Вряд ли.

Путешествие наше окончилось на крыше одного из небоскребов-пирамид. Тарелка приземлилась. Сам собой раскрылся люк с трапом, который я давеча с трудом отыскал. И уже спешили на ту же крышу целых три небольших остроносых летательных аппарата.

Аппараты сели, и из них синхронно, как по команде, вылезли полдюжины человек в бронежилетах и шлемах с прозрачными забралами. Формой шлемы напомнили не то греческие, не то римские. Только вместо гребня (разве что внушительности придававшего и помогавшего по цвету распознать своих и чужих) были увенчаны наростами из того же материала, что и сами шлемы. Оставалось гадать, что скрывалось в этих наростах. Средства связи? Или, скажем, налобные фонарики? Но что-то наверняка функциональное.

В руке каждый из атлантов в бронежилетах держал трубку длиной с полруки и примерно вдвое же тоньше. Здесь даже гадать не требовалось — и дурак поймет, что это оружие. И уж тем более не составило труда понять род занятий этих шестерых. Явившихся наверняка по наши с Вaley души.

— Вы окружены, — раздался в рубке грозный голос, чьи слова с готовностью перевел ЛНМ, — во избежание необходимости применения силы, просим вас покинуть захваченное судно. В случае отказа бойцы корпуса стражей будут вынуждены предпринять штурм захваченного судна. Повторяю...

— Это запись, по ходу, — каким-то тусклым голосом молвила Валя. И первой с обреченным видом направилась к выходу из рубки, а затем к люку наружу.

Я, тоже без энтузиазма, двинулся следом, по дороге почти бессознательно кладя руку на

рукоять меча, своего единственного оружия. Эх, толку теперь от него... те трубки-то у группы захвата сто процентов были огнестрельными.

Если только...

Задумка, на ходу внезапно пришедшая мне в голову казалась безумной. А по надежности напоминала соломинку в качестве плавательного средства. Вот только зря, что ли физик Нильс Бор говорил: «Если идея не кажется безумной, значит, от нее нет никакого толку».

Что ж, лично я готов был хоть на безумие променять бездействие и общую безнадежность нашего положения.

У трапа нас уже ждали. И когда мы с Валею спустились, подчеркнуто медленно, люди в шлемах и бронежилетах шагнули нам навстречу.

— Так! Это что? — строго и нетерпеливо вопрошал один из атлантов, оказавшийся ко мне ближе всех, тыча пальцем в сторону меча в ножнах.

— Меч, — ответил я с самым невинным видом, — холодное оружие. Колющий и режущий предмет.

— Передай его мне, — распорядился боец, — да чтоб без фокусов. Рукоятью вперед.

— Будет сделано, — гаркнул я аки бравый солдат Швейк. Имея в виду, правда, лишь последний пункт приказа. Потому что фокусы мой план как раз предусматривал.

Отстегнув ножны с мечом от ремня, я осторожно (и как было велено — рукоятью вперед) протянул их бойцу группы захвата. Но как только атлант протянул было руку, я со всей вилой толкнул своим оружием, как тараном, прямо в прозрачное забрало шлема.

Все так же, рукоятью вперед. Рукоятью, на секундочку, тоже обладавшей определенной твердостью и весом.

Забрало, как и следовало ожидать, уцелело. Не иначе, будучи изготовленным не из стекла, а из какого-нибудь пластика.

Зато сам боец растерялся, точно пыльным мешком из-за угла ударенный. Даже отступил ненамного — примерно на полшага. А главное: замешкался, бедный. Дав мне лишнее мгновение, чтобы нанести новый удар.

А бил я в этот раз ему между ног, замахом, снизу вверх.

Прикосновение рукояти меча, как и ожидалось, вышло не очень-то нежным. Коротко охнув — на большее дыхания не хватило, атлант кулем рухнул на твердую поверхность крыши.

Не теряя ни секунды, я выпустил из рук меч, одновременно выхватывая у сраженного мною бойца огнестрельную трубку. Резко развернулся, держа ее наготове... даром, что по понятным причинам не знал, как стрелять. Но вид у меня был решительный.

Да только, увы, на этом моя полоса везений закончилась. Оставшиеся на ходу бойцы группы захвата среагировали мгновенно и действовали стремительно. Двое из них буквально волоком оттащили от меня подальше Валею, заводя ее себе за спины. И одновременно целых три трубки в руках остальных бойцов нацелились на меня.

Чтобы предсказать дальнейший ход событий, дар ясновиденья не требовался. Если даже я успею произвести один выстрел... один удачный выстрел, который отправит к праотцам одного из атлантов, двое других в тот же момент застрелят меня. Если попробую бежать — мне в спину достанутся сразу три выстрела. Или даже пять.

О попытке отбить Валею тем более не могло идти речи.

Оставалось, в сущности, только одно. Хоть и приятным это «одно» назвать было трудно. Подхватив под мышку поверженного бойца, я приставил к его голове трубку.

— Как думаете, — сказал при этом, — успеете застрелить меня раньше, чем я вашего коллегу? Проверять... не советую. Тем более, можете попасть в него сами.

И с этими словами попятился спиной вперед, волоча атланта за собой. Держа курс в направлении одного из остроносых летающих суденышек. Причем ровно того, на котором взятый мной в заложники боец и прилетел. Я запомнил... вроде.

— Алик! — возмущенно выкрикнула из-за спин атлантов Валя. — Ты что... меня бросаешь? Ах ты, гад... предатель! Даже не Дуралекс, а предатель... козел трусливый!

Вот! В этом и заключалась неприятная сторона моей затеи. Но я постарался, как мог, успокоить девушку.

— Не волнуйся! — выкрикнул я, одновременно изловчившись и локтем зажимая ЛНМ, чтобы эта падла, бездушная и электронная, не перевела атлантам и не выдала моих намерений. — Се есть военный маневр... я еще вернусь!

Прозрачный колпак, закрывавший кабину остроносого аппарата, послушно раскрылся, когда мы с пленным бойцом подобрались к нему вплотную. Наверное, кораблик был закреплен за этим бойцом и распознал его. А может, был рассчитан открываться, когда поблизости любой человек. Если, конечно, на блокировку не поставят.

Как бы то ни было, я без проблем оказался внутри. Пленного бойца затащив следом. А сам уселся в кресло пилота — перед небольшой приборной панелью. В следующую же секунду прозрачный колпак снова вырос над кабиной, отрезая нас от жестокостей внешнего мира.

После рубки на «летающей тарелке» приборная панель этой крохи не казалась мне сложной. Несколько кнопок со значками, понятными даже тем, кто не умеет читать. Небольшой экран — для радара и навигации, по всей видимости. Ну и штурвал, простое устройство вроде джойстика, чтобы справиться с которым, даже необязательно уметь водить машину.

Но имелся один нюанс, ради которого я и упражнялся в тяжелой атлетике, затащив в кабину бойца атлантов.

— Значит, дело следующее, — обратился я к нему, сидевшему рядом со мной с совершенно обалделым видом, — либо ты показываешь, как активировать приборы... доступ к функциям управления. И я мирно, живым и здоровым, отпускаю тебя на крыше ближайшего здания. Без оружия, понятно. Зато вернешься домой, к жене, детям. Либо ты выделываешься, и я тебя пристрелю. И... на всякий случай напомним, что терять мне нечего.

— Попробую поверить, — сказал на это атлант, — я слышал, вы, варвары, обычно держите слово. Бойтесь, что если не сдержите, ваши примитивные божки откажут вам в покровительстве.

Я не сдержал улыбки. Приятно же, когда твои моральные качества оценивают так высоко. Даже несмотря на сомнительный «обоснуй» и тот факт, что мы с оценившим далеко не друзья.

Затем, однако, мой пленник добавил:

— Правда, еще... говорят, есть такие племена, у которых чужака обмануть — наоборот. Просто проявить военную хитрость. А значит, доблесть...

— Как угодно, — сухо молвил я, мигом согнавший с лица улыбку, — только не советую проверять, какой варвар я... хороший или плохой. Как и тянуть время, ожидая помощи.

На последних словах я еще краем глаза глянул наружу.

Сослуживцы плененного бойца топтались в нескольких метрах от занятого мной

суденьшка, нацелив на него трубки. То есть были готовы пальнуть, если я сдуру высунусь из кабины. Но вот пытаться отбить летающий кораблик вместе с незадачливым коллегой не спешили. Не решались даже выстрела сделать в нашу сторону.

Видимо, даже здесь в другой стране и далекой эпохе вояки и им подобные знали, что инициатива наказуема.

Плененный атлант тоже покосился в сторону коллег. Вдохнул, оценив их боевой дух, точнее его отсутствие. А затем потянул руку к трубке.

— Э-эй, — возмутился я, — как ты сам говорил, дорогуша, без фокусов!

И еще сильнее сжал трубку — обеими руками.

— Да ты не понял, — поспешил успокоить меня заложник, — я не за этим... не бойся...

И действительно, не пытался меня разоружить. Но просто коснулся небольшого выступа на поверхности трубки — шишечки эдакой — и осторожно, двумя пальцами эту шишечку снял.

Отошла шишечка бесшумно, не оставив после себя никаких пустых гнезд. Просто поверхность трубки стала ровнее. Не заметил я и на самой шишечке никаких разъемов и вообще ничего, чем бы она могла крепиться к трубке.

«Нанотехнологии, однако!» — только и пришло мне в голову.

А пленник меж тем прикрепил шишечку к приборной панели, и она буквально ожила. Осветились изнутри кнопки, загорелся экран; лампочка на перекрестии штурвала сменила красный огонек на зеленый.

— Персональный ключ доступа, — пояснил атлант, — открывает доступ либо к табельному оружию, либо к служебному транспорту.

— Но только к чему-то одному, — уточнил я.

— А зачем устраивать стрельбу в кабине? — боец развел руками. — Да еще на лету? Если же атакуют извне, обшивка корабля и даже этот колпак прозрачный — достаточно прочные. Защитят. Это не какое-нибудь хрупкое стекло, если интересно.

После чего добавил с ехидством:

— Разве что... кое-кто взял заложника и задумал пристрелить его из его же личного оружия. Но на такие случаи, уж прости, те, кто придумал систему доступа, не рассчитывали. А если и рассчитывали, то не в пользу всяких похитителей или любителей пострелять. Великое упущение!

— Да не бойсь, я свое слово держу... я из «правильных варваров», — успокоил я пленника, — как обещал, так и сделаю. Но если попробуешь что-то отмочить... хм. Я еще могу выбросить тебя из кабины. На лету. Обойдись без всякого оружия. То-то жена с детками не обрадуются.

Атлант посмотрел на меня, оценив, что и ростом и плечистостью он мне уступает — и насупился, внутренне признавая мою правоту. В том смысле, что никаких хлопот мне доставить действительно не попытался.

Зато на крыше здания, куда я его высадил, напоследок не удержался от колкости:

— Ты обещал меня оставить на соседней крыше, а пролетел подальше. Не очень-то ты правильный варвар.

— Как угодно, — огрызнулся я, уже собираясь опустить прозрачный колпак.

— И вот еще что, — продолжал атлант, — ни жены, ни деток, которыми ты меня страшал, у меня нет. Зато у меня есть... друг.

Да еще похабно так подмигнул на последних словах. И губами причмокнул, изображая

поцелуй, гад этакий. Как будто назло.

Хотя почему «как будто»? Точняк, хотел поквитаться (хотя бы морально) с тем, кто ему врезал и в заложники захватил. И осведомленность о ментальности варварских народов ему в этом неплохо помогла. Знал наверняка, как у дикарей так называемых относятся к подобным проявлениям «цивилизованности».

Ну и Морглокх с ним! И с другом его, не тем местом думающим.

Минут сорок или около часа я лишь бесцельно покружил над городом да среди небоскребов-пирамид.

Если за мной и послали погоню, то либо она не слишком старалась, либо своими хаотичными перемещениями я мешал ей сориентироваться и лечь на курс, который бы позволил за наименьшее время преодолеть разделявшее нас расстояние и настичь угнанный летающий кораблик.

Даже если она вообще имелась — возможность дистанционной слежки.

Зато во время полета я успел худо-бедно присмотреться к Посейдонису, оценивая обстановку, а заодно пытаюсь собраться с мыслями.

Первое впечатление от столицы Атлантиды, очарование, испытанное по прибытии в город развеялось на ветру, гулявшем над крышами небоскребов. Посейдонис больше не казался мне воплощенной утопией, ожившими картинками светлого будущего. Больше скажу: если в наше время бытует народная мудрость, что недостатки-де — это продолжение наших достоинств, то в случае с этим городом даже достоинства теперь виделись мне лишь обратной стороной его недостатков.

Да, террасы на ступеньках пирамид-небоскребов смотрелись очаровательно, а обилие летающего транспорта — даже грандиозно. И сотню раз «да»: в воздухе не пахло выхлопными газами, и смога я тоже не видел.

Но в то же время... тот факт, что местный транспорт не использует бензин, газ или другое углеводородное топливо, предпочитая более чистые источники энергии — не свидетельствует ли о том, что нефтью для перегонки в топливо природа Атлантиду тупо обделила? Или, если было что в недрах, то атланты, не отличаясь рачительностью, успели все выкачать?

Да и пирамиды-небоскребы, террасами украшенные — основаниями они стояли очень близко один к другому. Разделенные лишь узкими улочками, на которых обычные, не умеющие летать, автомобили банально не смогли бы разъехаться. Разве что пешеходы пройдут. И то не толпой. Гулять же среди теснящихся, нависающих над тобой громадин тем более невесело. Вот и приходится на пирамидах террасы обустроить с садами и газончиками, и передвигаться исключительно по воздуху. Благо, чем выше, тем больше между пирамидами-небоскребами свободного пространства.

Оставалось гадать, только ли в столице так печально, или этими громадами тесно застроен весь остров. Из-за перенаселенности, например. Если ближе к истине второй вариант, тогда становится понятно, зачем атланты докопались до той же родины старосты Мило. Хотя похищение девушек в это объяснение все равно не вписывается.

Зато как замечательно можно объяснить перенаселенностью нетрадиционные наклонности того же типчика из группы захвата, которого я давеча захватил сам.

Не берусь судить, насаждается ли это сверху. Или в обществе вроде как сам собой проснулся своего рода предохранительный инстинкт, призванный предотвратить нехватку места для жизни. Так птицы, подобными инстинктами ведомые, летают туда-сюда, зимой в теплые края, а по весне на родину.

Но в одном я уверен на все сто: население либо растет, либо предается порокам,

третьего не дано. Даже если некоторые пороки повышают рождаемость — как промискуитет под пьяную лавочку и не только — потомство при этом получается болезненным и нежизнеспособным. Так что миссию свою несправедная жизнь и здесь выполняет.

Оставался вопрос, как такое положение дел поможет мне. И над ним долго думать не пришлось.

Дело в том, что пороки редко ходят поодиночке. А значит, едва ли список червоточин общества атлантов ограничивается наличием у некоторых местных мужчин «друга» вместо жены. Хотя бы потому, что такие понятия как «порок» и «ограничение» плохо сочетаются между собой.

То есть, имеются и другие слабые места в этой древней псевдо-утопии. И слабостью этой я охотно воспользуюсь, чтобы вызволить Валу.

Мало-помалу под моей черепной коробкой рождался план. Простой, как и все гениальное... если не вдаваться в детали.

* * *

Сначала я приглядел здание, смотревшееся похуже других. Никаких обустроенных террас на гигантских ступенях... точнее, вид у них был запущенный, по крайней мере, на нижних этажах. Погнутые или местами поломанные ограждения, которые давно не красили — так они облупились. Никакой зелени. И ни одного желающего по ним гулять.

Пока снижался к основанию небоскреба-пирамиды, успел заметить и другие признаки запустения. Стекла в паре окон были выбиты, и никто не спешил их заменять. А в самом низу, где окон не было вовсе, ближайший ко мне дверной проем был заколочен досками. Не слишком, впрочем, старательно.

Заодно обратил внимание, что во всех зданиях... по крайней мере, ближайших, окон на нижних этажах не было или почти не было. Для чего такое исключение сделали, угадать труда не составило. Не иначе, внизу небезопасно. Точнее, там водятся разные, не отягощенные моралью, а потому представляющие опасность личности. От домовников до малолеток-вандалов.

Но это для местного добропорядочного... сравнительно добропорядочного люда подобные явления далеко не в радость. Меня же сделанное на сей счет умозаключение только ободрило. Гнильца и впрямь в социуме атлантов имелась значительная. И я шел верной дорогой, ища встречи с ней.

Опять же пульт, в отличие от меча оставшийся при мне, обнадежил. Когда я только удирал с крыши, где нас хотели повязать, показатель синхронизации до сорока двух процентов рухнул. То есть, из прошлого мы с Валею могли вернуться только вдвоем, ибо вместе в эту эпоху попали.

Зато теперь синхронизация снова превысила пятьдесят процентов. Так что дорогу я выбрал верную.

Присмотренный мной проем оказался достаточно широк и высок, чтобы я смог осторожно завести в него летающий кораблик, на ходу сокрушая препятствие в виде досок. Внутри, как и следовало ожидать, царили грязь и темнота. Хорошо еще, что при входе в темноту автоматически включился прожектор на носу кораблика.

Луч света высветил кучи мусора, какие-то ящики, железную сетчатую кровать без белья

и матраса. Писком и шорохом отозвались крысы, протестовавшие против моего вторжения в их вотчину.

Я не пытался гадать о причинах, по которым это здание было заброшено. Может быть, пик населенности уже оказался пройден, так что в этом небоскребе стало банально некому жить. Или, возможно, он служил не жильем, но штаб-квартирой некой корпорации, ныне вылетевшей в трубу. Важно было, что даже в этом тесном городе нашелся бесхозный уголок.

И теперь я мог использовать его, чтобы припрятать свой главный трофей — угнанный кораблик местных стражей порядка. Он же мой главный актив в сделке, конечным результатом которой должно было стать освобождение Вали.

Я оторвал шишечку персонального ключа от приборной панели (та сразу погасла) и прикрепил обратно к трубке. Опасался, что не там ее приложу, что неверно запомнил место. Но шишечка охотно приросла к трубке. Видимо, ей было все равно, с какой стороны подключаться.

Чудеса!

Оставалось надеяться, что без ключа и в выключенном состоянии отыскать угнанный кораблик станет еще труднее. Даже с помощью локаторов. И особенно внизу. То есть, в неблагоприятной (как я понял) части города, куда здешний аналог полиции без веских причин не суется. Не говоря уж о том, что сверху все эти полсотни... или сколько их там, этажей со всеми перекрытиями, изолирующими материалами, кучей бытовой и оргтехники могли послужить неплохим экраном для любых следящих устройств.

Конечно, по ключу-шишечке ребята в шлемах и брониках могли отыскать меня. Но в этом случае я надеялся убежать или отбиться.

Выбравшись из угнанного суденышка, я осторожно, почти наощупь, добрался до дверного проема. А оказавшись снаружи, первым делом испытал трубку.

В обращении та оказалась несложной. Стоило мне навести оружие на ближайшую стену и нажать на пару маленьких черных кругляшков, как из трубки вырвался светло-голубой луч. Врезался в стену, разлетаясь искрами и оставляя после себя пятнышки копоти.

То есть, стрелять из этой штуки можно. И для этого даже необязательно было обладать меткостью снайпера или сноровкой героев вестернов. Но вот чтобы схватиться с целой оравой вооруженных людей — а без этого Валу не выволить — для такой миссии трубка явно не годилась. Весьма ожидаемо.

Требовалось найти что-то посерьезнее. За этим, собственно, меня и занесло на это в прямом смысле дно городской жизни.

* * *

Ожидания меня не обманули. Прогулявшись по улочкам Посейдониса, я быстро убедился в том, что нижняя часть города впрямь является и самой неблагоприятной. Вроде тех райончиков, которые в современных мне городах располагаются на окраине или по соседству с промзоной.

Глухие стены, нависавшие с обеих сторон, покрывала современная вариация наскальной живописи. От значков местной письменности и вычурных маловразумительных узоров до схематичных изображений полового органа, ни времени, ни языковым барьерам неподвластных.

Под ногами — покрытие вроде бетона, местами растрескавшееся, местами выщербленное непогодой или людскими стараниями, от созиданья далекими.

Пару раз мне пришлось подлезать под бельевые веревки, натянутые прямо поперек улицы. Я еще старался тогда не прикасаться к свисавшему с них мокрому выцветшему тряпью.

Некоторые двери, мимо которых я проходил, вели в жилища местного люда. Судя по игравшим рядом детям или какой-то тетке, что, едва выйдя за порог прямо в халате, без тени моральных терзаний вылила прямо на мостовую ведро грязной воды. Попадались рядом с такими дверями и окна. Но были редкими, совсем маленькими и располагались на высоте метра два, не меньше.

Другие двери вели в заведения — рядом с такими еще прямо на стене были приделаны вывески или красовались большие размашистые надписи, вывеску заменявшие.

В тени надписи еще тускло светились. Видно, были нанесены специальной краской.

Прочитать я их по понятным причинам не мог. А вот вывески разобрать удавалось — владельцы большинства из них буквам предпочитали картинки. Хоть и грубые, но ясно было, что изображение ножниц указывало на парикмахерскую, изображение конфеты — на кондитерскую, а рыбы — на магазин морепродуктов. В последнем случае еще о назначении данного места доходчиво сообщали запахи, долетавшие из-за двери.

Да и кстати: двери заведений в нижней части Посейдониса сплошь были массивные и бронированные. Какие разве что из гранатомета пробьешь.

Местные, что встретились на пути, почти поголовно меня игнорировали. Некоторые даже сторонились — не горели желанием связываться с вооруженным человеком. Даже когда мимо прошел какой-то небритый здоровяк в штанах и белой майке (не в униформе!) зато с закинутой на плечо какой-то махиной, которая могла быть только оружием, он лишь смерил меня настороженным взглядом.

Машина его выглядела всяко солиднее моей трубки — толще, например, раз в пять — но все равно играть в войнушку здоровяка не потянуло. Либо он куда-то спешил, либо счел, что вооруженный незнакомец (я то бишь) может принадлежать к чужой банде. С которой не хотелось разборок.

О том, что здоровяк находится именно по ту сторону закона, неплохо говорили наличие оружия и свободная форма одежды. А тот факт, что разгуливает он с пушкой как у себя дома, тоже многое мне сказал. И о Посейдонисе как таковом, и конкретно о нижней его части.

И все же даже здесь пытались поддерживать подобие порядка. Хотя бы раз за прогулку довелось видеть, как два небольших робота-уборщика крутятся возле небольшой кучи мусора.

Поглядывая на вывески, я искал ту единственную, которая мне требовалась. Увы, раз за разом попадалось не то.

Аптека — вход отмечало изображение змеи и чаши, похоже, не только интернациональное, но и вечное.

Магазин продуктов — здесь на вывеске было намалевано что-то круглое и желтое. Может, круг сыра, а может, хлебный каравай.

Сапог — за дверью с такой вывеской могла находиться хоть обувная лавка, хоть мастерская по ремонту опять-таки обуви. Что мне равно неинтересно.

О, а этому заведению даже вывеска не требовалась. Ее с успехом заменила стоящая у двери скучающая девица с минимумом одежды, почти ничего не скрывавшим.

А что могло находиться под вывеской с разноцветными облаками — голубым, розовым, зеленым — мне было страшно и представить. А проверять тем более не хотелось.

Не то, все не то...

Спрашивать у местных я не собирался — по крайней мере, на улице. Первым делом я выдам свое незнание языка, и даже ЛНМ не поможет. Видно же, что не я говорю, а звуки из вещицы на шее доносятся. Ну а следом, вопросом своим я дополнительно подчеркну статус чужака и одиночки. А значит, могу привлечь нежелательное внимание. Того же громилы с большой пушкой, из которой он меня с готовностью пришьет.

Иного ждать не приходилось — это трущобы, детка. Пусть даже над ними высятся офисы престижных фирм, обиталища богачей и пресловутые прогулочные террасы с газончиками. А в трущобах свои законы. И чужаков, особенно задающих вопросы, там не любят. Независимо от страны и эпохи.

То есть, конечно, я не исключал, что спрашивать все же придется. Но делать это следовало в более подходящей обстановке. Не так, чтоб с бухты-барухты, у первого встречного. Но... имея подходящий повод для общения. Столь же мало зависящий от времени, как чаша со змеей в качестве символа медицины.

Осталось означенную обстановку отыскать. Подходящее место. Но и здесь пока попадающиеся на пути вывески не радовали. Пришлось даже присматриваться и прислушиваться к дверям, у которых вместо вывесок были надписи на стенах. Нет, местную письменность я понимать не научился. Но место, которое я надеялся найти в рамках программы-минимум, могло выдать себя... ну хотя бы пьяными песнями и веселыми выкриками из-за двери. Или характерным запахом.

Удача улыбнулась мне за очередным поворотом. Сперва я услышал голоса — несколько голосов, громко переговаривавшихся да басовито похохатывающих. Уже успел поднять трубку, готовясь к стычке с компанией местной шпаны, коей эти голоса могли принадлежать. Но... зашел за угол и даже усмехнулся над собственными опасениями. Мне навстречу шли всего лишь три немолодых подвыпивших субъекта, по-товарищески поддерживавших друг дружку.

На меня они обратили даже не ноль внимания, а поменьше. Да и до всего мира им дела, похоже, не было. Настолько, что один даже песню ни с того ни с сего заголосил, а остальные с готовностью подхватили.

Так, отнюдь не по-соловьиному разливаясь нестройным хором, трио пьяниц прошествовало мимо меня.

Пьяные компании среди бела дня, конечно, удручали. Выходило, что Атлантида успела увязнуть в адских топях даже глубже, чем я предполагал.

Но эта конкретная встреча, напротив, обрадовала. Ведь если тут ходят пьяные, значит, где-то находится заведение, в котором они наладились.

Я прибавил шагу, и, миновав еще пару пирамид, оказался перед дверью, слева от которой на стене был изображен бокал на тонкой ножке, справа — кружка, увенчанная шапкой пены. Оба рисунка были выведены старательно и поблескивали в полумраке.

Но еще более красноречивым стал для меня грязный мужичонка, без чувств валявшийся перед дверью. Лежал он лицом вниз, а какой-то мальчишка лет пяти склонился над ним и без тени смущения шарил по карманам.

На меня мальчонка посмотрел подозрительно, даже враждебно. И, что самое обидное, без малейшего испуга.

Я же сделал вид, что до его занятий и до него самого мне дела нет. Такое же напустил на себя отрешенное выражение, какое не раз успел увидеть на лицах местных жителей.

И, толкнув тяжелую дверь, вошел то ли в бар, то ли в каба́к, то ли в паб или салун. Не знаю, как называется это заведение у атлантов. Но суть оттого не менялась.

Миновав дверь, я спустился на несколько ступенек и оказался в скудно освещенном помещении. И первое, что заметил — в кабаке-пабе-салуне не пахло куревом. В отличие от знакомых мне аналогичных заведений двадцать первого века.

Впрочем, отсутствие запаха было как раз объяснимо. Табак рос на американском континенте, то есть от этих мест далековато. И даже если атланты успели наведаться в Америку раньше, чем викинги, не говоря о Колумбе, налаживать оттуда поставки табака вышло бы накладно. Либо не окупилась бы, либо каждая сигарета сделалась на вес золота. Точно не по карману обитателям дна.

С другой стороны, курить можно и другие растения... и не только растения. Смеси есть специальные химические — наркоши двадцать первого века соврать не дадут. Да и до электронных сигарет развитая цивилизация атлантов могла бы додуматься.

Так что, возможно, никто не курил в этом баре из-за плохой вентиляции. Или...

— Не принохивайся, парень, — отозвался из-за барной стойки коренастый лысеющий мужик средних лет и такого же роста, — здесь не притон для торчков... если ты по этой части. В моем заведении люди смачивают горло, а не мучают легкие.

Или это просто заведение для некурящих. А любители травки и химии в другие места ходили. Например, туда, где вывеска с разноцветными облаками приглашала их «полетать».

Услышал я, кстати, бармена отчетливо, несмотря на несколько метров расстояния. Благодаря второй особенности этого места, оказавшейся для меня неожиданной. В баре не шумела музыка. Ни брутально-сентиментальный блатняк, ни слезливая попса не отвлекали людей от основного занятия, ради которого они и пришли сюда, оставив толику денежных знаков.

В остальном ничего особенного здесь не было. Тусклый свет, барная стойка, за ней — стеллажи с рядами бутылок. Перед стойкой стояли несколько табуретов, из которых был занят только один. Еще имелось несколько столиков.

Большинство из них пустовали... чтоб, вероятно, быть занятыми к вечеру. Только за одним не сидел, а скорее, уже лежал одинокий и изрядно набравшийся субъект. А за вторым расположилась компания из трех человек.

Неужели и в Атлантиде принято было соображать на троих? Такая мысль меня посетила, подстегнутая любознательностью историка. Эх, если бы диссер свой я писал о питейных обычаях разных эпох и народов... но тогда имелся риск, увлекшись, спиться самому.

Что до бармена, то ему моя любознательность показалась подозрительной.

— А ты чего застыл? — недовольно вопрошал этот лысеющий хмырь, с недовольством видя, что я остановился, едва переступив порог, да еще глазею по сторонам. — Ты выпить сюда пришел или пялиться? Если ты из стражей, то у меня... это... улажено, в общем, все и уплачено, понял? А если Красная Штар тебя послала... новенького, то знай: с ней я лично разбираться буду. А не с мальчиками, которые только и могут, что бегать куда пошлют. Как роботы. И ни за что не отвечают.

«Красная Штар, надо же! — подумал я с каким-то извращенным восхищением. — Эмансипация, смотрю, здесь достигла невиданных высот. Представительницы слабого пола

даже криминальные структуры возглавляют... на зависть нынешним феминисткам».

А вслух ответил, спеша успокоить недовольного бармена:

— Нет-нет, я сюда, конечно же... чтобы выпить.

И неспешно, вразвалочку подошел к стойке, по пути бросив едва заметный взгляд на компанию за один из столиков. Те выглядели вполне еще вменяемыми. А значит, могли помочь в моих поисках.

— Хочу купить выпивку себе... ну и вон тем славным ребятам, — заявил я нарочито громко, облокотившись на стойку, — надеюсь, этого хватит.

И положил перед барменом монету, прихваченную из заначки покойного Кхугла.

Бармен взял монету, и, поднеся к лицу, с полминуты разглядывал. Затем изрек следующее:

— Варварское... золото? Или бронза... я, вообще в металлах не очень. Это, конечно, не мое дело... но ты ведь не местный, я прав? Эта монета странная. Да и говоришь ты не по-нашему... точнее, эта штука за тебя говорит... переводит.

И протянул руку к цепочке с висевшим на ней ЛНМом.

Резким движением своей ладони я отвел эту руку, закрывая творение родного НИИИНИПТа. Посмотрел на бармена с вызовом — возвышаясь над ним не меньше, чем на полголовы.

— Вы правы, — были мои слова, — это не ваше дело. Так хватит того, что я предложил или нет?

— Ну... — бармен замешкался, — обычно бартерные сделки я... в общем, не ко мне за этим надо. Но для вас могу сделать исключение.

Ответ меня не удивил, а причина была понятнее фраз из букваря, типа «мама мыла раму». Не иначе, здоровенная монета по ценности перекрывала стоимость выпивки многократно. А коль так, то, каких бы правил ни придерживался этот хмырь, но жажда легкой наживы все перевешивала.

Понимал, не дурак, что если на принцип пойдет, только и добьется, что я уйду, заберу соблазнительно поблескивавшую монету с собой. И, вероятней всего, она достанется кому-то менее щепетильному.

Поэтому, не говоря больше ни слова, бармен выложил на стойку поднос, поставил на него четыре кружки. И по очереди наполнил их какой-то мутной пенящейся зеленоватой бурдой.

С этим подносом (тяжеловатым, но лично мне вполне по плечу) я и подошел к столику, занятому тремя посетителями.

— Приветствую! — молвил, осторожно опуская поднос на стол. — Я угощаю.

— О, это ты вовремя, парниша! — воскликнул один, сразу потянув покрытую огрубевшей кожей руку за кружкой. — А то у меня в кошельке уже муха летает.

А я не преминул обратить внимание на эту интересную идиому. «Муха летает» — то есть, простор, уйма свободного места?..

— В твоём кошельке есть, где летать? — хмыкнул его собутыльник, шутливо толкая локтем. — Какой он большой, однако! Что... думал, если побольше возьмешь, денег в нем появится много?

А третий из честной компании позволил себе проявить чуток любопытства.

— Слышал я, тебя Зус в чужаки записал, — начал он, ухмыляясь, как, наверное, сам считал, с превосходством, но выражение вышло глуповатым, — да и сам вижу... через эту

шпуку говоришь... у тебя на шее. Что это, кстати?

— Новейшая разработка, — с гордостью отвечал я, — секретная.

— Не, я не против, — собутыльник махнул рукой, — особенно когда такой замечательный человек проставляется.

И тоже приник губами к одной из кружек.

Решил не отставать и я. Пригубил... и закашлялся, аж глаза заслезились. Уж больно жутким и непривычным показался мне вкус.

Только поймите меня правильно. Ни занудой пай-мальчиком, ни ярым фанатом трезвого образа жизни я никогда не был. И в студенчестве не отказывался поддержать компанию, пропустив хотя бы кружку-другую пивка. Вплоть до выпускного.

Другой вопрос, что я знал меру, никогда не напивался в хлам и напитков крепче пива старательно избегал. Более того, поступив в аспирантуру да начав в НИИИНиПТе работать, я вообще завязал. К чему мозг раньше времени гробить? Он мне еще пригодится.

В общем — не гробил, но что такое алкоголь, знал не понаслышке. Однако теперешнее содержимое моей кружки не лезло ни в какие ворота. Что-то кислое до жути. И сразу вызвало желание срочно почистить зубы и прополоскать рот.

— Что, впервые попробовал пива из водорослей? — сочувственно прокомментировал мою реакцию один из соседей по столику.

— А чего ждал? Нектара? — попытался неуклюже сострить второй.

Да еще и не преминул эрудицией блеснуть:

— Для нектара цветы нужны, чтоб ты знал. А где ты тут цветы видел? В этом городе они только на верхних ярусах остались. Богатеям на радость.

— У тебя-то на родине, цветов, небось... это, — проговорил второй собутыльник, — без счета... в общем. Везде растут... куда ни плюнь.

А потом снова вздумал полюбопытствовать:

— Что наши местных на работу привлекают... в колониях всяких, это я слышал. Но чтоб сюда приглашали... да еще какую-то... р-р-разработку секретную пользоваться. Да еще с оружием разгуливать...

Он таки заметил трубку, торчавшую из внутреннего кармана ветровки.

— За какие заслуги такие, не поделишься?

Что ж, с этими тремя (в отличие от бармена Зуса) я и вправду был не прочь поделиться. Лишний способ поддержать беседу, как ни крути. А играя в молчанку, мне, ясен пень, не узнать то, ради чего я, собственно, сюда наведалься. Не пива же из водорослей попить. Как-нибудь обошелся бы.

А чтобы процесс узнавания не выглядел, как допрос, обмен словами, информацией должен был хотя бы выглядеть обоюдным. И не беда, что ради единственного вопроса и ответа на него требовалось, говоря словами классика, извести тысячи тонн словесной руды.

Ничего особо не придумывая, я посвятил трио соседей по столику (вполголоса, кстати) в особенности своей работы в НИИИНиПТе. Опустив, разумеется, такую деталь, как перемещения во времени. Просто-де мотаюсь по дальним землям вместе с учеными-атлантами. Изучаю местные обычаи, язык. И вообще, чем живут люди в разных уголках мира.

Потому немудрено, что и в Атлантиду мне дозволено было приехать и разгуливать как у себя дома. В конце концов, так легче поддерживать связь с коллегами, начальством.

— Ну, понятно... путешественник, — заключил любопытный собутыльник, —

действительно, кому как не тебе...

— Странно, что к нам тебя потянуло, — добавил один из его корешей, — на самый низ. Помойка та еще, между нами говоря.

И следом настала уже моя очередь служить для этих троих свободными ушами.

Один поведал мне о своем сыночке, не желавшем учиться грамоте и тем более работать, зато в свои шестнадцать лет завербовавшемся в какую-то банду. Пребывает он там на правах мальчика на побегушках. Зато ему дали ствол, с которым парень теперь гордо расхаживает по улицам, демонстрируя каждому встречному. Утверждает, что только так в здешней клоаке можно стать кем-то, хоть что-нибудь из себя представляющим. А оба родителя между тем каждый день и ночь боятся, как бы родное чадо беспутное не застрелили.

От второго я услышал о еще более беспутной дочери, связавшейся с колонистами и свалившей в компании одного из них куда-то на запад, за океан. В Кситлос какой-то — в одно из дальних поселений. Сиречь в Центральную Америку, заключил еще я про себя. Тем более что название напомнило Кситаклан, один из городов майя. Сам родитель за дочь в какой-то степени рад. Коль выбраться смогла из трясины, которую представляла собой нижняя часть Посейдониса. Но опять же — тревожно за родную кровиночку. Тем более, как уехала, ни ответа от нее, ни привета. Ни одного, хотя бы коротенького письма.

Третий для разнообразия поделился не проблемой с подрастающими детьми — их у него не было — а далекими от идиллии отношениями со второй половинкой, на что-то гадостное подсевшей. Это «что-то» (название оказалось мне незнакомым) супруга требовала чуть ли не каждый день, когда не спала, и когда собеседник мой не отсиживался в баре. Потому он, собственно, и отсиживался, чтоб пореже видеться с тем гадким убожеством, в которое превратилось жена. А также семейное гнездышко — из-за ее неработоспособности и банального наплевательства.

Так мы проговорили не меньше часа. За это время я, главным образом, кивал, лишь изредка вставляя короткие дежурные реплики. Ну и помаленьку отхлебывал из своей кружки. Так, чтобы на дольше хватило, вкус не сильно напрягал, но при этом словно напоминать лишний раз: «Я с вами, мужики. Я типа свой».

А потом, наконец, когда честная компания худо-бедно выговорилась, я позволил себе перейти к цели своего прихода.

— Мне еще вот что спросить хотелось, — как можно тише начал я, — а можно в этом городе где-то купить оружие? Да не такую свистульку, как у меня сейчас. Посерьезнее что-нибудь.

— Внезапно, — молвил удивленный таким переходом один из соседей по столику. Да еще вытаращился на меня аки рыба. И я даже подумал, что душевному нашему общению пришел конец. Что, огорошенные и обескураженные моим, мягко говоря, необычным интересом, трио собутыльников прекратят со мной беседу. И выйдут из-за стола, от греха подальше. А то и вовсе сообщат, кому следует о подозрительном чужаке.

Потому сильно удивился ответом другого собутыльника:

— Можно? — переспросил тот, в отличие меня громко, не таясь. — Вот сразу видно, что ты не местный! Только сейчас я не просто это узнал... но... прочувствовал.

— Легче перечислить, что в этом городе нельзя, — пояснил третий, — уйдет гораздо... ик! М-м-меньше времени.

Рекомендовали мне магазин Дяди Сета, что за пару кварталов от бара. Там еще на вывеске, говорили, изображен человечек с какой-то явно убойной штукой за спиной. По форме и пропорциям — вроде моей трубки.

Вот так просто. Приобрести оружие на дне Посейдониса было не труднее, чем закупиться продуктами. Были б деньги. А Сет, никому из троих, кстати, дядей не приходившийся (прозвище просто), и цены не заламывал, и идти не далеко.

Местных денег у меня не было. Последней монетой из этого времени я пожертвовал, чтобы получить подсказку от трех любителей халявы... а кто ее не любит? Так что рассчитывал я на бартер. И надеялся, что стреляющей трубки и угнанного летающего кораблика хватит, чтобы выменять на них нечто убойное до жути. Но при этом транспортабельное.

Дядя Сет оказался невысоким, смуглым как индус, худым и сутулым субъектом, чьи маленькие глазки и выдающийся нос придавали сходство с крысой.

Сидя за прилавком, он что-то внимательно разглядывал на экране лежащего перед ним небольшого устройства, похожего на планшетный компьютер двадцать первого века. И хотя обилия клиентов в его лавке не наблюдалось... правильнее сказать, я там был один, Сет не подскочил при виде меня, не кинулся навстречу, не вытянулся по струнке. А главное, не предложил «что-нибудь подсказать». Проще говоря, не сделал ничего из того перечня ужимок и прыжков, без которых трудно было представить современных мне работников торговли.

Достоинство в нем какое-то чувствовалось — на контрасте с мальчиками и девочками из салонов связи, магазинов одежды и других подобных заведений в мое время. Или имея репутацию человека, цены не задирающего, Дядя Сет полагал, что этого достаточно для привлечения клиентов. А значит, выплясывать перед ними вроде как было необязательно.

И тем более едва ли хозяин оружейной лавки считал нужным что-то «подсказывать» человеку, пришедшему за его специфическим товаром. Уж если оный человек владеет оружием, то сам должен в нем прилично разбираться. Ну, при условии, конечно, что опыт владения оказался успешным. В противном же случае ни ходить куда-либо, ни покупать больше ничего такой клиент бы не смог. Мертвые вообще-то мало, на что способны.

И только когда я подошел к прилавку и уставился на полки со стволами разной длины и калибра, с разнообразными клинками от крохотных ножичков до двуручных мечей, Сет соблаговолит оторваться от экрана и поднять на меня глаза.

— Чего хочешь? — осведомился он, даже не стараясь изображать приветливость. А я в очередной раз заметил, что местный контингент... по крайней мере, на городском дне себя вежливостью не утруждает. Позволяя, помимо прочего, «тыкать» даже незнакомым людям.

— Что-нибудь мощное, — заявил я, — крупнокалиберное. Чтоб можно было пачками врагов выносить... даже при наличии у них средств защиты. И... я плохо разбираюсь в здешних моделях и образцах. Подскажете... что-нибудь?

Да, это не двадцать первый век. И даже от опыта моего участия в исторических реконструкциях не было толку. Так что я готов был изменить себе и стерпеть даже опеку навязчивого торгаша.

Правда, торгош в данном случае не выказывал ни проблеска навязчивости. И опекать меня тем более желанием не горел. Вместо этого он смерил меня взглядом, отмечая речь на чужом языке и звуки перевода, выходящие из ЛНМа — вещицы на цепочке. После чего изрек:

— На острове и так места мало. Какого Нуна они стали пускать сюда чужаков? Платить, кстати, есть чем?

Последняя фраза адресовалась мне, была предельно конкретной, а от резкого к ней перехода после дежурно-ворчливого вступления я даже вздрогнул.

— И учти, — продолжил Дядя Сет, — звериные шкурки, ракушки или... что еще такие как ты можешь мне предложить? Окаменевшее дерьмо священного змея Бубу? В общем, ничего из перечисленного не принимаю. Только...

— Как насчет изделий высоких технологий, — перебил я его, кладя перед собой на прилавок стреляющую трубку, — и речь, как видите, не о колесе, которое мое племя изобрело на прошлой неделе. Еще есть транспорт... летающий. Маленький такой, остроносый. Спрятан в укромном месте и совсем не далеко. Думаю, чтобы покрыть стоимость всего одной пушки... хоть и крутой, этого более чем достаточно.

Я даже договорить не успел, когда Сет впился в трубку цепким взглядом, приметив нарост-шишечку, и мигом просек ее назначение. А через нее и происхождение трубки.

Лицо торгоша вытянулось — буквально на глазах.

— Табельное оружие стража, — прошипел он зловещим шепотом, вытаращив глаза, чем уже не грызуна напоминал, а напуганного кота, забравшегося на дерево, — только не говори, что тебе выдали его при поступлении на службу. Тебе. Выдали.

Затем, переведя дух, добавил — уже более спокойно и естественно:

— А, транспорт, как я понимаю, патрульный «воробей», который ты героически угнал... там же.

Я кивнул, а Сет хохотнул коротко.

— Парень, да ты вконец отмороженный! — воскликнул он затем. — Корпусу стражей дорогу перебежал и на эту дорогу еще и нагадил. А ты подумал, на какой Нун мне с корпусом проблемы?

У меня еще в тот момент искушение возникло наставить на этого торгоша стреляющую трубку и с затасканной фразой «это ограбление» поживиться в его лавке на халяву. Вряд ли он успел бы воспользоваться каким-то из своих товаров, к коим сидел спиной. А подставлять спину плохому парню со стволом... сами понимаете.

Да, я готов был на это пойти. Чтобы освободить Валю и вернуться в двадцать первый век. Но было три обстоятельства, остудившие мой пыл.

Во-первых, в здешних стволах я вправду не разбирался. Что там! Впервые их видел. Так что мог взять какое-нибудь барахло, просто солидно выглядывшее.

Во-вторых... кто там говорил, что человека, заслужившего репутацию бешеного пса, ждет такая же, как у бешеного пса участь? Ну, ограбил бы я этого хорька, ну утащил бы пушку. Но вряд ли ушел бы далеко. Скорее всего, тот же Дядя Сет пальнул бы мне в спину. Которой мне бы пришлось к нему повернуться. А если бы и не пальнул, вскоре вся нижняя часть Посейдониса могла прослышать о чужаке-беспредельщике с металлическим брелоком на цепочке. Парень я видный, узнать меня будет легко. И через час просто очередь выстроиться из желающих меня прикончить. Как будто проблем со стражами мало!

Ну и в-третьих: какой бы обличающей и возмущенной ни выглядела речь Дяди Сета,

фанатом законопослушности он отнюдь не был. А то бы даже разговаривать дальше не стал. Немедленно вызвал бы ребят в бронежилетах, чтобы либо упаковали меня поскорее, либо от греха подальше пристрелили из своих трубок.

Но Сет никого вызывать не стал. А значит, что бы ни говорил, в сделке со мной был-таки заинтересован. Невзирая ни на каких стражей и не боясь каких-то «проблем», с ними связанных. В этой части города, как я понял, служителей закона вообще-то не слишком боялись.

Что до трепа его, якобы гневного, то преследовал он вполне определенную цель. Вызвать у меня неловкость, чувство вины. И под этим соусом навязать условия сделки, выгодные в большей степени хозяину магазина, чем мне.

Например, в обмен на табельное оружие стража и летающую машину — какую-нибудь старую маломощную шнягу, разваливающуюся в руках.

Но и я был не лыком шит. На ходу разгадав игру этого так называемого Дяди. И решил брать нахрапом. Вполне, как я понял, в духе городского дна.

— Слышь, а ты вообще бизнесмен или птичка нагадила? — хмыкнул я, сузив глаза и с вызовом уставившись на Сета. — Скажешь, никогда угнанным транспортом не банчил? И по дешевке со складов тех же стражей стволы не выкупал... подмазав там, кого следует? Чтоб перепродать потом. Что людей не знаешь, которые того же «воробья» толкнуть смогут... да так, что за руку не ухватишь? Хотя бы разобрав на запчасти...

С минуту Дядя Сет молчал, буравя меня крысиными глазенками. Я ждал. Наконец хозяин магазина изрек следующее:

— Думаешь, умный больно? Поумнее тебя найдутся. Это первое. Второе: конечно, я знаю нужных людей... и как горячий товар сбить, шкуру сохранив. Но эти люди нужные... они, знаешь ли, тоже не бесплатно работают. С теми надо поделиться... с этими. Запросто можно с убытками остаться. Особенно когда такой риск. Если только...

С этими словами Сет указал пальцем на цепочку с ЛНМом.

— Если только ты добавишь к своей части сделки эту штуку, — сказал он, — тогда я смог бы тебе подобрать... кое-что помощнее.

Не скрою, соблазн согласиться на это условие у меня возник. Разговаривать с местными я больше не планировал. Собирался проложить огнем путь к плененной Вале, вызволить ее, да и убраться из Атлантиды и из всей этой эпохи восвояси.

Но... планы планами, а вдруг говорить все же придется? Хотя бы допросить кого-то из стражей, чтоб узнать, где они Валу держат. На такие случаи стоило подстраховаться.

Да к тому же по возвращении в двадцать первый век мне трудно будет объяснить пропажу одного из лингвистических модулей начальству в институте. Говорил уже, что ЛНМы — самая ценная из наших разработок в плане коммерческих перспектив. И если одного из них не досчитаются по моей милости, что должны коллеги и руководство подумать? Правильно, что нечистый на руку лаборант Финистов продал интеллектуальную собственность института кому-то из потенциальных конкурентов.

Но даже если моим объяснениям поверят — что я-де оставил ценный девайс в прошлом — использование машины времени без разрешения и для собственных прихотей чести мне тоже не делало. Вплоть до того, что опять-таки можно было вылететь с работы. А не хотелось бы.

Так что ответ мой мог быть только один.

— Нет, — я покачал головой, — эта... штука нужна мне тоже.

— Если это что-то с магией связанное... с каким-нибудь культом дикарским, — не сдавался, не теряя надежды получить чудесное устройство, Сет, — так архонты и наши ученые говорят, суеверия все это.

— Магия ни при чем, — отрезал я, твердый как алмаз.

Дядя Сет развел руками — чуть ли не виновато.

— Как хочешь, — сказал он, сдаваясь, — нет, так нет.

После чего добавил:

— Ладно. Показывай, где «воробей» спрятан.

И мы вышли из оружейного магазинчика.

Оказавшись на улице, Дядя Сет первым делом запер массивную дверь. Вместо ключа и замка приложив к ней предмет, напоминающий хоккейную шайбу. Только радиусом вдвое меньше.

Просто приложил и все — как страж шишечку к стреляющей трубке. С той лишь разницей, что Сет свою шайбу на двери не оставил, а решив, что дело сделано, от двери оторвал.

И никаких замков, замочных скважин и прочего примитива! Дверь выглядела цельнометаллическим монолитом.

* * *

Угнанный кораблик нашелся на прежнем месте. В грязно-пыльной темноте первого этажа заброшенной пирамиды.

Другое дело, что покоя суденышку не было. Когда я вернулся в компании с Дядей Сетом, возле «воробья» толклись две персоны столь дикого и запущенного вида, что староста Мило и его односельчане казались на их фоне образцом благообразия.

Длинные клочковатые бороды, грязные патлы, давно не стирание тряпье в качестве одежды. Не то бомжи, не то забулдыги, даже на городском дне умудрившиеся обнаружить новые глубины, и туда опуститься.

Запах эта парочка принесла с собой соответствующий. Типа мусорный бак с гниющими пищевыми отходами научился ходить и пожаловал в гости. По амбре этому мы с Сетом, собственно, их и заметили даже раньше, чем увидели.

Ни проникнуть внутрь кораблика, ни нанести ему серьезного вреда местные люмпены были не в силах. Что обшивка, что прозрачный колпак над кабиной прочностью обижены не были. Небось, даже прямое попадание выдерживали — и из оружия, посолиднее табельных трубок.

Другой вопрос, что неприступность «воробья» забулдыг отступить не заставила. Только разозлила. И к моменту моего возвращения они как раз вымещали злость опять-таки на не неповинном кораблике. Пинали его, стучали кулаками по обшивке и прозрачному колпаку; смачно харкали, без усталости бранясь. Слов ни я не разобрал, ни ЛНМ не перевел, но вряд ли эти двое восхищались прочностью летающего судна.

— А ну пошли на хрен! — как можно более грозно воскликнул я. Хотя понимал, что лингвистический модуль переведет все тем же неизменно-механическим, бездушным голосом. Но надеялся, что хотя бы мой собственный голос, не по-здешнему вещающий, тоже на забулдыг подействует.

А чтобы вообще всякие сомнения у тех отпали на предмет того, что делать, и от какого места лучше держаться подальше, я выкрик свой подкрепил выстрелом из трубки. Прямо под ноги одному из бомжеватых людишек — первому, который оглянулся.

Не будучи храбрецами, забулдыги кинулись прочь.

— А чего ж мимо? — прокомментировал мой выстрел Дядя Сет. — Поджарил бы этих тварей, никто бы не почесался, с тебя за них спрашивать. Да что там, никто бы их отсутствия даже не заметил.

Я пожал плечами, спорить с ним не пытался, про свободу, равенство и братство втолковывать. Как и оправдываться, что-де не маньяк какой-нибудь. И совесть отягощать лишними трупами не хочу. А что и без того многим предстояло умереть от моей руки, я тем более не распространялся.

— ...чтобы было неповадно на мое имущество посягать, — между тем пробурчал Сет. А сам уже разглядывал кораблик, водя по корпусу лучом небольшого фонарика. По-хозяйски так разглядывал.

А вот на последний выпад я уже не ответить не мог. Тоже — чтоб неповадно было.

— Станет вашим, когда я ствол получу, — были мои слова.

Дядя Сет отвлекся от своего занятия, обернулся, уставившись в лицо своими крысиными глазенками. Оценивающе так уставился, изучающе. А затем произнес:

— Сейчас я вызову людей. Они отгонят эту посудину... куда нужно. Считай это задатком. А мы пойдем ко мне в лавку. И ты выберешь пушку, какая тебе нужна.

— Хорошо, — согласился я, — и только тогда вы получите трубку.

Выйдя на свет, торгош поднял руку с браслетом и небольшим устройством, которое можно было принять за простые наручные часы. «Часы», однако, были снабжены цветным сенсорным дисплеем, только маленьким. Сет потыкал в него пальцем, щуря глаза. Что-то еле слышно пробормотал, от меня отвернувшись. Так, чтобы ни я, ни ЛНМ не услышали.

Затем мы отправились обратно. А по пути я не удержался и попросил — хотя и стремно было:

— Подскажите... ну, при выборе? А то у вас... это... ассортимент незнакомый. Многие стволы вообще впервые увидел.

— Понимаю, понимаю, — благодушно отозвался Дядя Сет, не иначе, удовлетворенный выгодной сделкой, — у вас... там, небось, до сих пор каменными топорами и копьями воюют. Шутка! Разумеется, я помогу, какие вопросы...

— Только не вздумайте хлам какой-нибудь всучить, — добавил я, — прежде чем рассчитаемся, я пушку испытаю.

Благодушие слетело с лица торговца как стая птиц с покачнувшегося под ветром дерева.

— А вот тут парень, ты... — проговорил он сухо, и снова уставившись на меня тяжелым взглядом, — в общем, поосторожнее с такими поклепами. Я не жулик какой-нибудь, и заведения мое тут все знают. Сам же ко мне пришел... скажешь, нет? Вот и не предьявляй попусту. Здесь оскорбления просто так не спускают, чтоб ты знал.

* * *

Оскорблять не стал, но...

Слова словами, и Дядя Сет мог сколько угодно кичиться своей безупречной репутацией.

Только вот, едва мы вернулись в лавку, как этот торгаш первым делом положил на прилавок передо мной меч. Меч, Карл! Здоровенный, двуручный, с удобной рукоятью и заточенным до блеска клинком.

Изготовлен он был явно промышленным способом, так что дальний родственник его, оставленный мною во время бегства от стражей, смотрелся бы на его фоне родственником бедным. Жалкой кустарной поделкой.

От воспоминания о верном клинке, бесславно мною брошенном, взгрустнулось. И я даже едва не потянул руку к новому мечу, но вовремя вспомнил, что пришел не за этим.

— Вообще-то я просил что-нибудь огнестрельное, — пришлось напомнить.

Сет спорить не стал. Понял, видимо, что клиент не такой дикарь, как он мог подумать. И даже не попытался убедить «невежественного варвара», что в бою этот меч становится огненным. Или вызывает огненные потоки с небес.

Другое дело, что выводов разумных торгаш не сделал. Потому что следующий товар, им передо мной выложенный, до боли напоминал самую обыкновенную базуку.

— Вот! Одним выстрелом пробивает стены, — с показной гордостью молвил Сет, хлопывая базуку по толстому стволу. А я еще поразился лишней раз поистине дьявольскому умению всех торгашей во все времена. Похвалить неходовой товар, ничего не приврав. Только не сообщив всей правды.

Ну да я тоже не лыком шит.

— Ага, — хмыкнул я, окинув презрительным взглядом и базуку, и ее продавца, — только больше одного выстрела из нее не сделать. Каждый снаряд стоит... сопоставимо с самим оружием. Да и тяжелая, зараза.

— Вот как? — Сет изогнул бровь в почти искреннем удивлении.

Хотя, наверное, и вправду ему было, чему удивляться. Нет, не тактико-техническими характеристиками товара, о которых я знал, а он как будто нет. Но, скорее, самим по себе знаниям якобы дикого чужака.

— Тогда, — торгаш отошел к стеллажам, чтобы снять и положить передо мной следующий товар, — лазерная винтовка. Снабжена мини-генератором, способным месяц работать без подзарядки. Идеальное оружие для уличного боя. А вот это оптический прицел, повышающий точность...

Я осторожно взял винтовку в руки, осматривая и примеряясь. Дизайн у нее был несколько экзотический. Отчего с первого взгляда распознать в ней аналог винтовок двадцать первого века было непросто. Тем не менее, если присмотреться, можно было заметить все составляющие: и приклад, и спусковой крючок, и прицел пресловутый. Да и длина ствола была соответствующей.

Только вот сам ствол показался мне узковатым. Я представил тонкий лазерный луч, выходящий из дула. Полосующий одного стража... потом другого. Если тот, второй, останется на месте, само собой.

— Знал я одного умелого парня... ну вроде тебя, — продолжал разливаться соловьем Дядя Сет, видя, что клиент заглотив наживку, и развивая успех, — так он муху поджарил из подобной винтовки. А ты, я смотрю, тоже... парень не промах. Не промах, да! Не промахнешься...

Хорошая штука — лезть. Особенно неуклюжими каламбурами приправленная. Правда, не со всеми прокатывает.

— Все это, конечно, замечательно, — прокомментировал я последний пассаж,

откладывая винтовку на прилавок, — только вот я-то... не с мухами воевать собираюсь.

Дядя Сет вздохнул, и снова повернулся к стеллажам.

Мы перебрали еще с десятков видов оружия. С некоторыми у меня даже до испытаний дошло — выходил пострелять в глухую стену стоящего напротив небоскреба-пирамиды. Но раз за разом признавал: не то.

А потом, испустив еще более тяжелый вздох, Сет присел на корточки, почти скрывшись за прилавком. И, сняв с одной из нижних полок, положил передо мной ствол толщиной чуть больше моей руки и почему-то формой близкий к параллелепипеду, а не к цилиндру.

Со стороны, противоположной дулу, оружие было увенчано небольшой коробочкой. С позиционным переключателем-крутилкой, кнопкой и ручкой как на чемодане.

— Ручная плазменная пушка, — так представил оружие Дядя Сет, — с рассеивающим эффектом. Ну, в смысле, чем больше расстояние, с которого стреляешь, тем шире разлетается плазма. Батареи хватает на сотню выстрелов.

— Все равно... хотя бы пару запасных батарей к ней дайте, — попросил я на всякий случай.

— Чего ж не дать, — Сет кивнул, — охотно дам. Даже несмотря на то, что это самый дорогой из моих товаров.

«Настолько дорогой, что никто не брал, — про себя съязвил я, — что пришлось вниз ее убрать, на виду держа то, что пользуется спросом».

И да: судя по тому, как легко он согласился на дополнительные боеприпасы, даже «самая дорогая» и даже с парой батарей, пушка эта стоила куда меньше летающего кораблика стражей.

— Это регулятор мощности, — между тем инструктировал меня Дядя Сет, на этих словах показав на переключатель, — а этой кнопкой производится выстрел. А установка батареи производится здесь. В задней части.

— Испытаю, — коротко молвил я, прежде чем принять решение.

И, подхватив плазменную пушку, а стреляющую трубку оставив на прилавке, я вышел на улицу.

Оглянулся в поисках подходящей цели. Посмотрел сначала на покрытую копотью многострадальную стену... не то. Потом под ноги глянул. Пошарил взглядом по шербатому покрытию улочки. Пока не наткнулся на чуть помятую жестянку. Видно, кто-то выпил ее содержимое и выбросил, вопросами чистоты не заморачиваясь. А может, просто дети играли, вместо футбольного мяча используя. Ну и пригнали сюда. Мне было не важно.

Нацелив на жестянку плазменную пушку, я повернул переключатель-крутилку в крайнее левое положение (выставляя минимальную мощность) и нажал на кнопку.

Не то пучок, не то маленькое облачко, святящееся с яркостью солнца, вырвалось из дула и рванулось к несчастной банке. Чтобы секунду спустя превратить ее в нечто почерневшее и бесформенное.

И это минимальная мощность?!

Я представил, что в такие же комья бесформенной массы... ну или в обгорелые кучки костей превращаются стражи, захватившие Валю, и возликовал. Даже «Йес-с-с!» воскликнул.

Ну просто любовь с первого взгляда. Иначе не скажешь.

Проводив взглядом странного клиента, покинувшего его лавку с плазменной пушкой, Дядя Сет не сдержал улыбки — радостной, торжествующей.

Нет, речи об удавшемся обмане, разумеется, не шло. Пушка была вполне боеспособна. Да и репутацией своей Сет гордился и дорожил. Когда клиентам твоим убивать в порядке вещей, лучше быть честным — для пущей сохранности. Насколько вообще можно быть честным, стоя за прилавком.

Повод для радости имелся другой. И он вполне вписывался в понятие любого коммерсанта о честности. Благодаря посланному не иначе как самой судьбой варвару Сет сумел убить сразу двух зайцев. Во-первых, сбыть дорогой неликвидный ствол, за который в случае визита стражей (официального) можно было и огрести. Даже на дне Посейдониса, где дозволялось практически все, вплоть до убиения других обитателей дна. Ну а во-вторых, за неликвид, все-таки сбытый, Дядя Сет получил в несколько раз больше его реальной цены.

Остались пустяки. Развить успех — раз. И два: не дать омрачить его последствиям, которые непременно возникнут оттого, что столь мощное оружие попало в руки чужака, настолько безрассудного, чтобы заступить дорогу стражам.

Проще говоря, сделать все, дабы парня с переносной плазменной пушкой и всеми трупами, произведенными с ее помощью, не связали с ним, Сетом. По крайней мере, свести вероятность этого к минимуму.

Вопрос, как это сделать.

Поразмыслив немного, Сет решил, что выжидать и отмалчиваться точно смысла нет. Тем более что к нему могла привести ниточка и от угнанного «воробья». А значит, напротив, следовало проявить активность, выкрикнуть «держи вора!» и тем вроде как принести ищейкам пользу.

Настучать следовало, если выражаться в духе обитателей дна. Коих Дядя Сет, будучи человеком образованным (и жившим на более высоком этаже до того как лишился работы) привык презирать.

Над объектом доноса долго размышлять не пришлось. Склонившись над портативным компьютером, Сет написал, пользуясь его виртуальной клавиатурой, что в банде Красной Штар-де объявился новичок. Здоровенный чужеземец, вооруженный ни много ни мало плазменной пушкой. И совершенный беспредельщик, если верить очевидцам. Такого стоит опасаться даже доблестным бойцам корпуса стражей.

Со злорадной ухмылкой Дядя Сет оторвался от экрана и написанного. Заготовка была готова, осталось аккуратно переписать ее, взвешивая каждое слово, детали продумывая. Собрав в кулак весь имеющийся у него литературный дар. В наличии последнего Сет не сомневался и что зарывает его, тоже не считал.

А с доносами иначе нельзя. Любое неосторожное слово может быть использовано, в том числе против написавшего. Превратить данный образчик эпистолярного жанра в любимый дикарями на далеких восточных островах бумеранг. Что, вернувшись к тому, кто бросил его, пребольно ударит по лбу.

Ну да не впервой. И если донос удастся, если поверят ему, подозрение за все злодеяния, которые успеет учинить парень с плазменной пушкой, падет на Красную Штар и ее головорезов.

А не надо было вести себя так, словно все вокруг принадлежит им с потрохами, включая Дядю Сета и его лавку! И полагать, будто Сет должен радоваться уже тому, что его не трогают. И с благодарностью уступать бандитам Штар свой товар по дешевке.

А потом, думал Сет, парня с плазменной пушкой пришьют. Пушка попадет на склад конфискованных вещей. Откуда весьма полезный знакомец Сета из числа стражей вернет пушку Сету за сущие гроши. Чтобы можно было ее еще кому-нибудь продать. Кому-нибудь неискушенному, и потому щедрому.

Если Сет захочет, конечно. Снова связываться с этой дорогой и опасной штукой.

Тянулись серые коридоры здания, куда Валою привезли на одном из летающих корабликов. Целый лабиринт коридоров. Валою вели по нему, следуя у нее за спиной, два мужика из группы захвата. Шлемы они сняли на входе, а вот с бронежилетами расставаться не спешили. Как и с трубками, предназначенными, насколько Валя успела понять, для стрельбы.

Опасались, даже сомневаться не приходилось. Вот только чего? Какой вред этим двум здоровякам могла причинить хрупкая девушка? Как будто из руки ее мог вырасти ствол автомата. Или взгляд — испепелять не в переносном, а в прямом смысле.

Путь по лабиринту серых коридоров закончился в небольшой, опять-таки серой комнатке без окон и мебели. Там конвоиры велели Вале снять всю одежду — прямо у них на глазах. И идти в душ.

Надо ли говорить, что душевая кабинка была прозрачной, так что пребывание в ней девушки стало для пары стражей продолжением бесплатного шоу.

Валя торопливо ополоснулась, буквально чувствуя на коже липкие похотливые взгляды конвоиров. И на этом фоне даже не заметив, что вода в душе была чуть тепленькой.

Когда Валя вышла, один из стражей бросил ей ком тряпья, оказавшийся кофтой и штанами наподобие детской пижамы. Ткань, правда, была грубой — ни один ребенок не захотел бы такую носить. И надевалась на мокрое тело с трудом. Валя торопилась и нервничала, натягивая штаны и кофту под издевательские хохотки конвоиров.

Один еще сказал что-то, окликнув девушку. Но поскольку ЛНМ тоже пришлось снять, Валя не поняла, что. Хотя догадывалась, что это могло быть предложением помочь, шутливым и издевательским. Или таким же комплиментом, что, учитывая Валино положение, ничуть ее не радовало.

«Ладно-ладно, — думала она мстительно, — когда Алик придет, не так весело вам будет». Что мог сделать в одиночку Финистов, даже явившись сюда, Валя не представляла. Но женское чутье, с формальной логикой не всегда ладившее, подсказывало ей: что-нибудь Алик обязательно придумает. Не мог не найти выхода даже из этой передраги. Да и обещал, в конце концов.

Кое-как девушка сладила со своим новым одеянием, и снова ее поведи через лабиринт коридоров. Потому был спуск на лифте... глубоко-глубоко, судя по продолжительности. Чуть ли не до адских глубин.

Место, на которое привез лифт, преисподней, правда, еще не было. Но находилось вряд ли от него далеко. Вале не составило труда понять его назначение. Подобные места вообще не менялись даже со сменой эпох.

Длинный коридор, облезлые стены, ни единого окошка. Вереницы клетушек с решетчатыми дверями. И над всем этим царил тусклый свет, не столько добавлявший видимости, сколько подчеркивавший убожество обстановки.

Тусклый свет, который, похоже, не выключался ни на секунду, мешая спать. И успел достать этим, по меньшей мере, одного из местных обитателей. Тот в исступлении колотил по решетке, выкрикивая проклятья. Чувствуя, что при жизни умудрился попасть в персональный ад.

Проведя Валю мимо нескольких камер, пустых и обитаемых, конвоир остановился возле одной... спасибо, что хоть свободной. Что не придется делить ее ни с какими отбросами общества.

Отворил решетчатую дверь — та еще лязгнула и скрипнула, будто недовольная, что ее потревожили. И втолкнув Валю внутрь, закрыл вновь.

Вздыхнув, девушка села на узкую жесткую койку. Единственный предмет мебели в камере, не считая унитаза. Последний ничем прикрыт не был, и Валя порадовалась, что хотя бы камера напротив пустовала. Никто не мог ее видеть.

Просидела так девушка, час, другой. Точно сказать не могла. Когда нечем заняться, время тянется медленно. Маясь от скуки, Валя решила прилечь вздремнуть. Чтоб хоть немного отвлечься от печального факта своей неволи. Да и время скоротать. Но едва опустила голову на подушку (тонкую и потому такую же жесткую, как и вся койка), когда из коридора ее окликнули. Грубо, нетерпеливо.

«Заклученная, на выход», — мысленно перевела девушка, нехотя поднимаясь и шагнув к решетчатой двери.

Потом снова был лифт, лабиринт серых коридоров. Люди, встречавшиеся на пути, смотрели на девушку в пижаме как на зверушку, грязную и неухоженную, но безобидную. То есть, с легким недовольством, но в целом безучастно. А главное, без тени сочувствия.

«Я арестованная, — думала Валя со смесью досады и грусти, — арестованный, значит преступник. А преступник наверняка совершил что-то нехорошее, и за это достоин осуждения, жалеть его нечего. Но к счастью, преступника уже арестовали, так что бояться его вроде как не стоит».

А за этой логической цепочкой пришло отчаянное и запоздалое осознание: она — арестованная. Она! Девушка, почти не совершившая за свою недолгую жизнь противоправных поступков. Если не считать шпаргалок на экзаменах, пары скачанных из Интернета рефератов (по неосновным предметам) ну и еще неоплаченных проездов в автобусах. Причем последнее — исключительно по вине нерасторопных кондукторов.

За отчаянием пришла мрачная усмешка. «Наколку что ли набить, — подумала Валя, — если выберусь... когда выберусь».

В этот раз вояж по гигантскому зданию-муравейнику окончился в кабинете. В кабинете следователя, поняла Валя. Других вариантов не приходило в голову.

Здесь, к некоторому облегчению девушки, имелось окно. Большое, панорамное, открывавшее вид на другие небоскребы-пирамиды, на летающий между ними транспорт. Красноватое солнце бликами отражалось от стекол, готовясь к закату.

На стене, к которой примыкало рабочее место следователя, висел портрет какого-то немолодого сурового мужчины (не то большого начальника, не то главы государства) и герб. Солнце с лучами — в верхней части, условное изображение моря с волнами и острова с пальмами — в нижней. А между ними щит (фоном) и меч (на переднем плане).

Сам следователь оказался человеком неопределенного возраста и с каким-то незапоминающимся и невыразительным лицом. Сидевший за столом, он оторвался от экрана портативного компьютера и что-то проговорил севшей перед ним на единственный стул Вале. На местном языке, без лингвистического модуля непонятном.

Девушка только и могла, что головой помотать да пожать плечами. Следователь снова повторил свои слова. Затем еще что-то сказал. Валя уловила в его голосе вопросительные нотки. А сама положила обе руки себе на шею и медленно провела, опускаясь к груди.

Потом еще раз.

Следователь повторил ее жест и уставился выжидающе. Валя кивнула, надеясь на его понятливость.

Понятливостью следователь обделен не был. Коснулся пальцем какого-то устройства у себя на столе... оказавшегося средством внутренней связи. Проговорил несколько слов. Вскоре на пороге кабинета появился человек в темно-серой облегающей униформе, со стреляющей трубкой у пояса. В руке он нес ЛНМ на цепочке.

Человек в униформе протянул цепочку Вале, одновременно достав стреляющую трубку и взяв девушку на мушку. Опасался, небось, что арестантка попытается своей цепочкой задушить следователя или больно хлестнуть по лицу. Ну, или задушить саму себя.

У самой Вали такие предположения вызывали улыбку. С другой стороны, откуда этим двум служакам знать, чего можно ожидать от странной чужачки, неизвестно откуда взявшейся. И о которой вообще ничего не известно. Кроме того факта, что она причастна к уничтожению боевого летательного аппарата и угону «летающей тарелки».

Следователь снова что-то сказал, и ЛНМ на Валиной шее немедленно отозвался своим механическим голосом:

— Итак! Арестованная! Вы нас слышите?

«Вы слышите меня, бандерлоги?» — вспомнились при этом Вале слова змея Каа из небезызвестной книжки. А вслух она ответила:

— Слышала-то я вас и раньше. Но вот с пониманием была проблема.

— Замечательно, — молвил следователь, не уточняя, что именно он считает замечательным: проблему с пониманием или то, что ее удалось-таки решить. — Для начала, прошу представиться. Согласитесь, что когда к вам обращаются «арестованная»... приятно в этом немного.

«Да мне неприятно даже находиться здесь!» — захотелось воскликнуть Вале, но она сдержалась.

— Василиса Фокина, — представилась она вслух, — но я предпочитаю, чтоб меня звали Вале́й, Лиской или Фокси.

И осеклась. Потому что куча прозвищ вполне могла сойти за признак принадлежности к уголовному миру. По крайней мере, в глазах следователя и без того настроенного по отношению к ней отнюдь не дружелюбно. Мягко говоря.

— Ва-Си-Ли-Са-Фо-Ки-На, — неуклюже, по слогам повторил следователь, прозвищ Валины вроде бы оставив без внимания, — а правда ли, что среди варваров длинные сложные имена... об которые язык сломаешь, свидетельствуют о знатном происхождении?

— По-разному, — равнодушно молвила Валя, действительно припоминая, что у некоторых народов длина имени считалась признаком знатности. Хотя бы косвенно. Например, в средневековой Европе, где короли именовались Вильгельмами, Людовиками, Фридрихами, а простые пейзажи — сплошь Жаками, Тедами и Гансами. Во всяком случае, представить себе пастуха, к которому бы обращались «Вильгельм» у девушки не получалось. Скорее уж его имя бы сократили до «Вилли».

Вот только при чем тут она? Отсюда и равнодушный тон.

— Хотя о чем я говорю, — поправился и следователь, — какие варвары...

И после паузы в несколько секунд — не то переведя дух, не то собравшись с духом — заговорил, подавшись вперед и уставившись на Валу, как удав на кролика:

— В чем вас обвиняют, говорить, я думаю, излишне. Но вот что меня смущает, так это

детали. Даже беглый осмотр ваших вещей показал, что крой одежды явно промышленный. Кроме того, по меньшей мере, две из изъятых у вас вещей являются продуктами высоких технологий. Одна сейчас на вашей шее, Ва-Си... другое эксперт определил как средство связи.

«Айфон!» — догадалась Валя.

— Тут даже не надо быть гением сыска, чтобы сделать кое-какие выводы, — продолжал следователь. — Притом, что задержали вас на территории Гипербореи, вы никак не можете принадлежать к тамошнему населению, находящемуся на очень низкой ступени развития. Я уже не говорю о том, что у гиперборейских дикарей наша техника... как боевая, так и вполне мирного назначения чаще всего вызывает суеверный ужас. Так что они ну никак не могли проделать все то, что удалось вам. Да о чем я... они бы даже не решились на такое!

Валя вспомнила испуганные лица Мило и его односельчан, когда те слышали грохот взрывов. И кивнула, соглашаясь.

— Более того, я уверен, на такую... акцию не решится представитель ни одного из народов, населяющих планету... кроме нашего, понятно. Даже где успели пройти путь от варварства к цивилизации. Слишком уж мы опережаем в развитии весь остальной мир. И уж тем более ни одна цивилизация кроме нашей не доросла до высокотехнологических производств. Не считайте меня тупым служакой, я в курсе исследований по изучению планеты... открытия новых земель и всего такого прочего. Почитываю соответствующие ресурсы.

И последнее: устройство у вас на шее. Автоматический переводчик с чужого языка и обратно. У нас таких устройств нет даже в качестве перспективных разработок. Наши специалисты до сих пор учат чужие языки по старинке. Долгим и нудным общением с аборигенами.

Валя едва не брякнула, что и для ее современников лингвистический нейросетевой модуль — инновация почти фантастическая. Но вовремя сдержалась, помня, с кем разговаривает. С тем, кто любое слово может использовать против нее.

— В свете сказанного у меня всего один вопрос, — подытожил следователь, — кто вы такие? Вы с вашим удравшим подельником... не знаю, напарником... другом. Кто вы и откуда?

«Это уже два вопроса», — захотелось подколоть его Вале, но снова она воздержалась.

— Я думаю, ни врать, ни скрывать нет смысла, — вслух начала она.

— Солнечные слова! — с восхищением перебил девушку следователь, и словосочетание это, не иначе, являлось местным аналогом выражения «золотые слова». — Все бы арестанты... подозреваемые, преступники это понимали. Сильно бы облегчили и мой труд, и свою участь.

— В общем, мы с Аликом... другом моим, — продолжала Валя, — мы прибыли из будущего. Причем весьма отдаленного. Тысячи лет...

Какую реакцию вызовет это ее заявление, девушка заранее предсказать не бралась. Неприятия ожидала, неверия. Но только не того, что произошло на самом деле.

С минуту следователь лишь молча сидел, с таким видом, как будто подавился и не может вдохнуть. Затем пробормотал: «Что ж, это многое объясняет» и потянулся к устройству внутренней связи. Успел коснуться, но суетливо отдернул руку. После чего вскочил из-за стола и торопливым шагом покинул кабинет. Оставив Валию наедине со стражем, нацелившим на нее стреляющую трубку.

Последний оставался молчаливым и бесстрастным, словно статуя. Хотя Валя понимала: стоит ей дернуться, и страж выстрелит. В нее. На поражение.

К тому времени, когда я на своих двоих, да еще с привалами, дотащился до штаб-квартиры корпуса стражей, очередной день успел смениться вечером. Солнце зашло, синие сумерки повисли над городом ступенчатых пирамид-небоскребов. Городом, в мое время канувшим, хоть не в Лету, но в океан.

Но пока Посейдонис стоял, величественный и грандиозный. И заблудиться в лабиринте его однотипных зданий было легче легкого. Особенно чужаку.

Хорошо еще, что один из прохожих охотно подсказал, как пройти к цитадели стражей. И даже наличие у меня плазменной пушки его не смутило.

Хотя, наверное, оружие в моей руке прохожий напротив воспринял как добрый знак. Ибо в нижней части города стражей вряд ли любили. Так что всякий местный искренне желал этим ребятам в бронежилетах и со стреляющими трубками встречи с каким-нибудь вооруженным здоровяком. Вроде меня.

Еще сориентироваться в направлении мне помог зоркий глаз и пролетавшие мимо «воробьи».

В сумерках даже на дне вывески выглядели ярче, были заметнее, зазывая народ в кабаки, бордели и прочие веселые местечки. Народ охотно отзывался, у дверей под вывесками собирались толпы.

Своя ночная жизнь ждала адептов и наверху. Если поднять голову, можно было заметить, как прямо в воздухе вспыхивают яркие, огромные голограммы явно рекламного характера. Гигантская бутылка с яркой этикеткой. Бокал на ножке. Танцующая парочка, успевшая сделать несколько синхронных плавных па, прежде чем исчезнуть. Россыпь белых прямоугольников, украшенных какими-то символами (мне неизвестными) и картинками. Красотка, молодой парень, суровый пожилой дядька с важным начальственным лицом. Игральные карты?

Несложно было заметить среди этой призрачной цветастости и гнездилище стражей. Над вершиной небоскреба-пирамиды прямо в воздухе висело гигантское изображение меча на фоне щита. Доходчивей не придумаешь.

Синхронизация, если верить пультику, успела достичь шестидесяти одного процента. То есть цель была близка.

Корпус стражей мало того, что владел целым небоскребом-пирамидой — неслыханная роскошь по меркам перенаселенного города. Вдобавок, он и изрядный кусок земли вокруг этого небоскреба к рукам прибрал. Отчего в окрестностях штаб-квартиры стражей было непривычно просторно. Да, почти вся площадь вокруг пирамиды была заставлена патрульными кораблями «воробьями». Зато другие здания не нависали, и окрестности просматривались хорошо.

Территорию штаб-квартиры отделяла от остального города сетчатая ограда высотой в четыре метра. Видимо, обитатели нижней части Посейдониса действительно не любили стражей. И стражи об этой нелюбви знали. Вот и решили отгородиться.

О том, чтобы через эту ограду перелезть, не могло быть и речи. Ну, так лазать я и не собирался. Помня, во что превратилась жестянка после выстрела из плазменной пушки (даже при минимальной мощности!) я был уверен, что прожгу эту сетку с первого выстрела.

Другое дело, что стражей на дне сильно-сильно не любили. И я был не первым (и вряд ли последним), кто явился к их штаб-квартире с оружием в руках.

Как раз на случай таких визитов над сеткой возвышались две цилиндрические башни. У вершин их помигивали глаза видеокамер — как у Циклопа, по одному на каждую. Просматривали улицу, по которой я подошел. А чуть ниже глаз-объективов торчало по стволу. Не то пулемету, не то лазеру. Но вряд ли пусковой установке, ибо тогда снарядов не напасешься.

Одна из камер мигнула — меня заметила, не иначе. И верхушки башен синхронно развернулись вокруг оси, нацеливая оба ствола в мою сторону.

Умно придумано, нечего сказать. Похоже, даже с мощным оружием, вроде моей пушки плазменной, пытались туда прорваться. И вторую башню стражи поставили как раз на такой случай.

Конечно, если бы все те, кто в нижней части города бродил со стволами, собрались в толпу и решили прорваться — даже двух башен на их пути оказалось бы недостаточно. И штаб-квартира корпуса стражей, этот символ угнетения едва ли бы устоял.

Другое дело, что те, кто был сильно недоволен существующими порядками вообще и стражами в частности, вооруженностью похвастаться не могли. Точнее, избытком денег, требовавшихся для покупки качественных стволов.

Тех же, кто ни в деньгах, ни в оружии недостатка не испытывал, к недовольным отнести было сложно. По крайней мере, к недовольным в такой степени, чтобы они могли сговориться и массово штурмовать ограду.

Скорее всего, большинство участников уличных банд их положение в целом устраивало. Устраивала относительно комфортная экологическая ниша, превосходство над простыми обитателями дна — безоружными. Что до оружия, то оно пригождалось для более полезных дел, где риск поменьше, зато отдача выше. Для запугивания тех же мирных горожан, например. Ну и для того, чтобы стрелять друг в дружку. Куда без этого.

В общем, массового нападения на свою штаб-квартиру стражи не ожидали, причем вполне справедливо. Что до атаки одиночки, вроде меня, даже с крутой пушкой...

Допустим, мне удастся вывести одну из них из строя с первого выстрела (второго не будет!). Но и тогда уцелевшая башня испепелит меня или изрешетит.

Обходить смысла не имело. Подобная пара башен со стволами и камерами наверняка контролировала каждую улочку, ведущую к ограде.

При таком раскладе даже хваленая плазменная пушка уже не казалась мне шибко грозным оружием, в прямом смысле способным открыть передо мной любую дверь. Разве что...

Спасительная мысль пришла в голову, когда я вспомнил слова Дяди Сета: «С рассеивающим эффектом... чем больше расстояние, тем шире разлетается плазма».

Вспомнил — и, помахав камерам рукой вроде как на прощание, зашагал вдоль по улице прочь. Как бы прочь от башен, ограды и скрывающейся за нею штаб-квартиры корпуса стражей.

Дальше, дальше, дальше. Но так, чтобы ограда с башнями оставалась на виду. Наконец, остановился. Вскинул пушку, нацеливая в сторону ограды. Палец потянулся к переключателю мощности.

Да, не надо быть физиком, чтобы понимать: распыляя пучок плазмы, я ослаблял его поражающую способность. То есть, конкретная цель, угодившая на пути пучка, пострадала

бы меньше, чем, если бы я стрелял с близкого расстояния. Но мне-то требуется поразить больше одной цели. А способность поражающую можно и повысить, мощность отрегулировав. Самое верное — поднять ее до максимума.

Что я и сделал.

Ослепительно светящееся облако пронеслось вдоль улицы, одновременно разрастаясь и тускнея. Но при этом все равно оставалось ярким. Смотреть на него безболезненно получалось доли секунды.

И горе было тому случайному прохожему, что оказался бы у облака на пути.

К счастью для моей совести, такого прохожего на улице, по которой пронеслось облако плазмы, не было. А путь разросшегося облака окончился у ограды.

Что-то вспыхнуло там, в полумраке вечерних сумерек. Заискрило и громыхнуло.

Держа плазменную пушку наготове (разве что снизив мощность наполовину) я осторожно двинулся к ограде.

Увиденное в сумерках меня обрадовало. Изрядный кусок ограды просто смело, оставив огромную дыру с оплавленными краями. Одна из башен стояла погнутая, почерневшая. По металлическому корпусу пробегали искры — ни дать ни взять, последние вздохи и прощальные биения сердца умирающего.

А вот вторая башня пострадала меньше. Корпус покрылся копотью, ствол погнулся, а глазок камеры больше не мигал. Правда, это не помешало башне выплюнуть мне навстречу пулеметную очередь.

Ну, то есть, попытаться меня этой очередью достать. Что было трудно сделать с погнутым стволом и выведенной из строя камерой. Удивительно, почему вообще башня огонь открыла. Датчики движения, что ли помимо камеры в ней имелись? Вот автоматика и сработала. А может, башня управлялась дистанционно. И дежурный страж, за периметром следивший, таки попробовал до меня дотянуться. Свинцовым потоком.

Последнее, кстати, было бы хреново. Потому как если башни не автоматизированы, если через встроенные в них камеры за окрестностями наблюдают люди, о моем вторжении в штаб-квартире уже известно.

Это значит — гуд бай, эффект внезапности. Еще немного, и в цитадели стражей поднимется боевая тревога. И куча вооруженных людей кинется мне навстречу.

Ну да не стоит паниковать раньше времени. С кучей... если это будет действительно куча беспорядочная, можно даже одним выстрелом сладить.

А вот чего не стоило делать, так это ставшее драгоценным время — терять.

Следующий мой выстрел заставил обрушиться оставшуюся из башен. А сам я, с плазменной пушкой наготове, проскользнул в дыру.

Первый рубеж обороны был взят.

* * *

Полдюжата человек в шлемах и бронежилетах бежали мне навстречу по площади-стоянке. Бежали, лавируя между расставленными на ней и целый лабиринт образующими «воробьями». И стреляли в мою сторону из своих трубок.

Стреляли не очень прицельно. А может, просто трубки не отличались меткостью и дальностью.

Выяснить причину, по которой свора стражей не могла в меня попасть, не хотелось.

А когда между нами осталось несколько метров, я спрятался за одним из патрульных корабликов. Увидел сквозь прозрачный колпак, что стражи разделяются. И, развернув пушку в сторону одной из групп (где было большинство — три бойца) встретил их пучком плазмы. Заодно выяснил, что от плазмы их бронежилеты со шлемами не очень-то защищают.

Перепрыгнув через дымящиеся останки, я обогнул «воробья», не дав оставшимся двум стражам ударить мне в тыл.

Прошмыгнул за следующий кораблик. И оттуда выстрелил в «воробья», служившего мне предыдущим укрытием.

Прозрачный колпак снесло с кораблика не хуже, чем топор палача сносит голову смертника. Само суденышко охватил огонь. И я надеялся, что пару стражей, если не смело колпаком, то уж точно они должны были пострадать от близости к огню. Потому что пламя взвилось нехилое. Достойное погребального костра какого-нибудь варварского вождя.

А я кинулся к следующему «воробью». И к следующему. И к следующему. Пригибаясь и используя летающие кораблики как укрытие, я понемногу приближался к зданию штаб-квартиры.

Поблизости застрекотал пулемет. Пули выбивали на бетонном покрытии щербинки; защелкали по обшивке ближайшего ко мне летающего суденышка.

Успев поднять голову, я заметил в нескольких метрах надо мной небольшой летательный аппарат с пулеметным стволом на корпусе. Размером машинка была примерно с табуретку. И могла быть только беспилотником. Меньшим братцем железного «Змея Горыныча» изничтоженного мною в далеких северных землях.

Почему нет. У Горыныча вроде тоже были свои змееныши.

А значит, и эту фитюльку тем более стоило отправить к Морглокху... ну или на свалку металлолома.

Пустив очередь, беспилотник с пулеметом сделал паузу — не то перезаряжал пулемет, не то дал остыть. За это время я успел проскочить к следующему «воробью». А когда беспилотник двинулся следом — угостил его небольшим пучком плазмы.

С электрическим треском и искрясь, маленький летающий пулеметчик шлепнулся на бетонную плиту.

Я миновал еще несколько «воробьев», отделявших меня от здания, когда сверху обрушились несколько световых стрелок. Наподобие лазерных лучей, только коротких.

Большинство оставляли следы копоти на обшивке и колпаке ближайшего ко мне патрульного кораблика. Зато одна ударила в бетон в каком-то миллиметре от моего правого ботинка. И я успел почувствовать, насколько эта дрянь горяча. Как будто чуть в костер не наступил, но вовремя одумался.

Осталось с ужасом представлять, насколько поджарюсь несчастный я в случае прямого попадания. Ну, или обезвредить гада-стрелка.

Стрелок снова оказался беспилотным летательным аппаратом. Примерно той же конструкции, что и пулеметчик, но с другим вооружением.

Еще он отличался большей маневренностью. А может, человек, дистанционно управлявший им, делал это с большей ловкостью. Так или иначе, но от пущенного в него плазменного пучка беспилотник лихо увернулся. И снова принялся палить, вынуждая почти по-пластунски удирать к следующему «воробью». Следующему укрытию.

Сам от себя не ожидал, что могу так быстро двигаться в горизонтальном положении.

Адреналин, не иначе. Опять же стрелок летающий всегда был рад оказаться рядом и придать ускорения. Почти получалось у него в меня попасть. И каждый раз я чувствовал, что поблизости от меня становится заметно теплее. Почти горячо!

В итоге мне пришлось прибегнуть к военной хитрости. Одновременно примитивной и рискованной. Примитивной она будет, если страж, управлявший беспилотником, на нее так поведется. А риск заключался в том, что страж этот мог неправильно понять. И захотеть развить успех.

Но ничего другого в голову не приходило. Пришлось сыграть ва-банк.

После очередного выстрела, едва не ставшего метким, а для меня смертельным, я коротко, но громко вскрикнул — как бы от боли. И, завалившись на бок, растянулся на бетонной плите.

Еще подумал запоздало, а не снабжен ли беспилотник тепловизором. А как насчет возможности улавливать малейшие колебания... например биение сердца?

Конечно, и труп сразу не остывает, и сердце будет еще биться, если человек не убит, а только тяжело ранен и оттого не способен продолжать бой.

Но что, если управляющий этой гадской железякой человек захочет сделать контрольный выстрел? Добиться, чтобы грань между «ранен» и «убит» была для меня пройдена?

К счастью, невидимый мне страж этого не сделал. Беспилотник просто повис надо мной.

Похоже, тот, кто им управлял, пытался присмотреться ко мне. Понять, действительно ли отморожку с плазменной пушкой каюк, или я еще жив. А если жив, то насколько?

Никаких выводов на мой счет я сделать ему не дал. Висел надо мной беспилотник несколько секунд, но и их мне более чем хватило, чтобы рывком поднять обретенную плазменную пушку и... швырнуть ее прямо в летающую машинку.

А что? Была эта штука не легонькой, а значит, вполне годилась на роль дубинки. Да к тому же, бьюсь об заклад, такого фортеля стражи от меня точно не ожидали.

Удар вышел метким. Беспилотник дернулся в воздухе, чем напомнил голову боксера, по которой пришелся не самый сильный и далеко не нокаутирующий, но удар. И начал терять высоту. А ствол вообще от меня отвернул.

Это мне и нужно было. Ухватив беспилотник одной рукой за ствол, другой за корпус, я ускорил его аварийную посадку. Размахнувшись, ударил им о корпус ближайшего «воробья». Один раз, второй, третий. Пока из щели в корпусе не пошел едкий дым, а беспилотник не обернулся в моих руках просто куском железа. Не пытавшимся ни вырваться, ни как-то по-другому сопротивляться.

Отбросив дохлый беспилотник, я подхватил плазменную пушку — надеюсь, не пострадала. А чтобы подкрепить свою уверенность чем-то большим, чем надежда, я проверил ее работоспособность, выпустив облако плазмы навстречу паре новых беспилотников. И не без удовольствия наблюдал, как они грохнулись на землю. Отлетали свое, голубчики!

Насколько я понял, понеся в самом начале штурма людские потери, корпус стражей решил больше живую силу против меня не выпускать. В бой теперь посылали воинов искусственных, с дистанционным управлением.

А главное: у этих железяк не было семей, которым предстояло получить похоронки.

Еще несколько таких машинок взмыли в воздух над стоянкой. И носясь поблизости от

меня, то разражались пулеметной очередью, то сгустками энергии, похожими на световые стрелки, плевались.

Нескольким «воробьям» таки продырявили прозрачные колпаки. Один даже загорелся. Похоже, собственные патрульные кораблики здесь решили не щадить. Стремясь к одному — победе любой ценой.

Жаль только, что победить в данном случае хотели меня. С их точки зрения — опасного террориста.

При таком численном перевесе я старался как можно меньше тратить времени на перестрелку. Хотя один беспилотник вроде бы сбил, улучив момент. Но все больше упражнялся в беге и ползании, укрываясь то за одним, то за другим летающим суденышком. И все приближался к входу в здание.

Когда до входа остались считанные метры, я едва сдержал полный разочарования возглас и стон. Хотя, если вдуматься, чего я ожидал? Стеклопластиковых дверей, гостеприимно распахнутых? Типа, заходи, кто хочет?

Я ошибся. В штаб-квартиру корпуса стражей вела двустворчатая бронированная дверь, наглухо задраенная. А над дверью издевательски подмигнул мне огонек видеокамеры. И ствол пулемета, рядом торчавший, нацелился в мою сторону.

Стрелять, правда, не торопился почему-то. За те мгновения, на которые я к собственному стыду оторопел при виде столь неприятного сюрприза, никакая очередь меня не скосила.

Что ж, кому заминка, она же нерешительность, а кому выигранное время. Лично я хотел остаться в выигрыше. И потому вскинул пушку, целя в камеру и пулемет.

И в этот момент из-за спины прилетел очередной сгусток энергии, выглядевший как световая стрелка. Попал он, правда, не в меня, а рядом. В бетонную плиту, выбивая из нее искры. Ах да, чуть не забыл!

С плазменной пушкой наготове я развернулся на сто восемьдесят градусов. Несколько беспилотников приближались ко мне с тыла. Приближались, выстроенные цепью, причем нарочито разреженной. Так что, захоти я устроить пальбу, смогу достать сгустком плазмы разве что одну машинку. Тогда как остальные успеют основательно продырявить меня.

Грамотно стражи действовали, стоило отдать им должное. Просекли мою тактику и добились того, чтобы ущерб, который я могу им причинить, свести к минимуму, а шансы достать меня — напротив, до максимума довести. И, по сути, загнали меня в ловушку. Подтвердив пословицу «один в поле — не воин». В том числе один против многократно превосходящего противника.

От отчаяния захотелось бросить бесполезную уже пушку и самому плюхнуться на бетон площади-стоянки. Поражение признавая. Или, как вариант, попытаться напоследок сильно подгадать корпусу стражей. Например, выпустив на максимальной мощности облако плазмы, чтоб сжечь с его помощью как можно больше «воробьев».

Правда, есть ли смысл трепыхаться, если ты проиграл? И Валю не спасти.

Эх, пультик, что же ты меня обнадежил? Показывая, что я выбрал правильный путь.

И чего же вы, болваны металлические, ждете? Зачем длите агонию, заставляете мучиться от ощущения облома?

Но болваны... беспилотники то бишь почему-то не торопились меня кончать. Висели в воздухе, нацелив свои орудия. И только! Никаких действий не предпринимали. Словно ждали чего-то.

Спустя полминуты я понял — чего.

Со стороны громадины штаб-квартиры (откуда-то с верхних этажей) ко мне спикировал и завис в метре над головой еще один беспилотник. Был он поменьше своих собратьев и оружия на себе не нес. Ну, если не считать таковым камеру, мигнувшую светящимся глазком.

Да-да, я не оговорился. Ибо некоторые в мое время... господа ютуберы, например, считают средства видеосъемки вполне себе неплохим средством поражения. Ведь используя запись, сделанную с их помощью, кого-то можно морально уничтожить, опустив репутацию ниже плинтуса. Или вообще подвести под суд.

Морглокх и Нун, о чем я думаю перед лицом смертельной угрозы!

Между тем беспилотник с камерой остановился, наведя на меня объектив. И я почти физически ощутил, как некто за монитором, на который передавалось изображение с камеры, пристально меня разглядывает. Особенно задержав взгляд на цепочке с лингвистическим модулем.

Затем беспилотник заговорил. Ну, то есть, передал слова одного из людей, им управлявших.

— Человек из будущего! — голос, доносившийся из динамиков беспилотника, был нарочито зычным; таким либо на митинге вещать, либо призывать участников того же митинга разойтись. — Вы окружены! Соппротивление бесполезно! Сдавайтесь, вам не причинят вреда.

Ага, шас! Валю уже сцапали, теперь и меня хотят взять живьем. Да с минимальными собственными потерями. Только почему им так важно не убить меня, а арестовать? Судилище показательное устроить?

А главное — как стражи узнали, что я из будущего? Неужели Валю раскололи?

— Сдавайтесь! — снова повторил голос из динамиков беспилотника. — Вам не причинят вреда!

Неужели запись? Впрочем, по фигу.

Да, до ученой степени я еще не дорос, а естественники и технари вообще отказывают науке, которую я представляю, в научности. Но и мне хватает ума свести концы с концами и сделать кое-какие выводы.

Например, если меня до сих пор не застрелили (имея такую возможность), значит, убивать меня не в их интересах. В чем именно эти интересы заключались — представлял я себе плохо. Но раз я до сих пор жив даже несмотря на убитых мною стражей и поврежденную технику, значит, именно живым я корпусу стражей позарез нужен.

И коли так, меня тем более не убьют, если я позволю себе небольшую военную хитрость. Нет, скорее, военную дерзость.

Я опустил ствол плазменной пушки, как бы демонстрируя мирные намерения. Ну, по крайней мере, отсутствие враждебности и желания продолжать бой. Одновременно с этим бросающимся в глаза и потому отвлекающим жестом (ловкость рук и никакого мошенничества) я проделал другой жест, куда менее заметный. Повернул крутилку, выставляя мощность выстрела на максимум. Затем сделал шаг в сторону бронированных дверей. И еще один шаг.

— Человек из будущего! — окликнул меня голос из беспилотника с камерой, прозвучавший уже без наигранной зычности. — Я бы попросил вас оставаться на месте. Во избежание...

«А мне по фиг, что ты просишь, — подумал я мстительно, — я пришел за Валею и без

нее не уйду!»

Когда до входа в штаб-квартиру корпуса стражей осталось чуть больше метра, я стремительным, в долю секунды, движением вскинул плазменную пушку. Теперь — либо пан, либо пропал.

Выстрел, сколь мощный, столь и прицельный, смел пулеметный ствол над входом. Под его ударом, казавшаяся незыблемой бронированная дверь обрушилась внутрь, вдобавок изрядно покоруженная.

Одновременно я рванулся в прыжке к освободившемуся проему. Мысленно поблагодарив еще физру, уроки которой и занятия в универе я исправно посещал.

На долю секунды я почти ослеп, оказавшись в облаке цементной пыли, поднятой при крушении двери. Самому проему, точнее, стене, в которой он был проделан, тоже не поздоровилось.

Но почти сразу вынырнул из облака — буквально на ходу. Оказавшись в ярко освещенном вестибюле.

Первое, что я увидел перед глазами — баррикаду из мебели, за которой скрючились несколько стражей. Несколько стреляющих трубок торчали над нагромождением столов, тумбочек, табуретов, каких-то ящиков.

Ишь, к обороне приготовились! Оперативно, как всегда. С другой стороны, я испытал нехилое чувство гордости оттого, что нагнал на этих бравых ребят страху. В одиночку нагнал — тогда как в этом огромном здании их наверняка тысячи.

— Человек из будущего! — донеслось из-за баррикады. — Прекратите, наконец, это безумие! Почему вы стреляете? Все разрушаете? Да, в конце концов, союзники так не поступают!

Я не удостоил ответом этот пассаж, а последнюю претензию вообще не понял. И сказал, наводя плазменную пушку на баррикаду:

— Я пришел за Валецкой... моей девушкой. Освободите ее, и мы уйдем.

После чего почти сразу добавил:

— И можете не пугать меня своими пукалками. Вашу грудку мебели я с одного выстрела могу смести. И вас заодно. В пепел превращу.

— Можете, спорить не буду, — услышал я в ответ, — но всех смести и в пепел превратить, точно не успеете. Просто... оглянитесь, человек из будущего.

На последней фразе я еще услышал в голосе усмешку, от которой стало не по себе. Нет, не на такую реакцию я рассчитывал.

Чуть повернув голову, я заметил еще одну баррикаду справа от меня. И тоже с вооруженными стражами. Такая же баррикада — я увидел — находилась и слева. Причем обе, конечно, не пустовали. За каждой засели бойцы, с трубками наготове.

И я еще понял: хоть дальностью и точностью такое оружие не отличалось, зато в замкнутом пространстве (где нет больших расстояний, и особо не побегаешь) оно почти идеально.

Так что попал я из огня да в полымя. Из одной ловушки в другую, из окружения в почти окружение.

А страж, показавший мне незавидный для меня расклад, все не унимался.

— А про тыл не забыли, человек из будущего? — осведомился он ехидно.

Я рывком обернулся. И увидел, как в проем с улицы влетает один из беспилотников с пулеметом. Первый. И никто не давал гарантии, что за ним не последуют остальные.

В общем, почти окружение теперь стало без «почти». Замкнулось.

Но если мне показалось, что хуже быть не может, то ехидный страж поспешил опровергнуть и эту иллюзию.

— Теперь гляньте немного выше, — предложил он.

Я приподнял голову. На галерее под потолком вестибюля засели еще несколько стражей. Причем, что печальнее всего, не только с трубками. У троих я заметил лазерные винтовки. Вроде той, что мне предлагал Дядя Сет. И не мог я не вспомнить, как он расхваливал ее точность.

«Муху поджарил из подобной винтовки!»

А уж если в муху из нее можно попасть, то, скажем, в голову далеко не маленького меня — вообще пара пустяков.

Вот что значит профессионалы!

Руки, державшие плазменную пушку, опустились как будто сами собой. Рефлекторно, не спрашивая разрешения разума. А страж словоохотливый еще и подлил масла в огонь.

— Для всех будет лучше, если вы прекратите это бессмысленное побоище и бросите оружие. Для вас, в том числе... как вы понимаете. Пока мы терпели ваши выходки, но в случае больших потерь... чтобы они не стали слишком большими, мы будем вынуждены защищаться. И тогда даже Совет архонтов поймет.

— Валя, — произнес я пересохшим ртом.

— Насчет вашей девушки, — отозвался еще один страж, — мы доставили ее во дворец архонтов. На прием к архонту Кафу. Именно он в первую очередь уполномочен вести дела с пришельцами из будущего... вроде вас. Можем и вас к нему доставить.

— Почему нет, — только и мог сказать я.

Пальцы разжались, и бесполезная уже плазменная пушка со стуком упала на пол.

Погрозив кнутом, стражи, как водится, и пряник не забыли показать. Вдогонку. Оказалось внезапно, что ни я, ни Валя больше не арестанты, не преступники. А гости, вдобавок, почетные. Ну, хоть немножечко.

Но одно меня заинтриговало в происходящем. Фраза насчет какого-то архонта Кафа, за общение с пришельцами из будущего ответственного. Ведь это значило, что не мы с Валею были первыми путешественниками во времени, наведавшимися в Атлантиду. Причем далеко не первыми. Стали бы какого-то важного государственного мужа наделять специальными полномочиями из-за единичного случая?

В этом свете упрек, что союзники-де так не поступают, обретал смысл. Вот только кто эти «союзники», раньше нас сюда прибывшие да еще регулярно Атлантиду навещавшие?

Вряд ли это мои коллеги по НИИИНиПТу. Но кто? И откуда?

Перед архонтом Кафом Валя предстала, разумеется, не в отвратной тюремной робе, похожей на пижаму. Какое там! Ей вернули все вещи да вдобавок предоставили кабинет следователя, чтобы девушка могла спокойно переодеться. Одна. Не смущаясь под чужими взглядами.

Доставили ее во дворец архонтов, правда, так же, как и в штаб-квартиру корпуса стражей, когда арестовывали. На одном из патрульных корабликов. Но и лишь потому, что другого транспорта в распоряжении стражей не было. Неоткуда им было взять лимузин.

Зато летела Валя в этот раз в сопровождении всего одного бойца. Да и тот нужен был не как конвоир, но чтобы просто за штурвалом сидеть. Так что, по крайней мере, тесниться в небольшой кабине летающего суденышка Вале на этот раз не пришлось.

Еще перед нею извинились. Дважды. Сначала следователь в кабинете, потом, перед самым вылетом — какой-то хмырь с квадратной физиономией, широкими плечами и изрядным брюшком. Шишка местная, не иначе.

Валя приняла оба извинения молча, сдержанными подчеркнито-медленными кивками. Так королева могла выслушивать льстивую речь в свой адрес от какого-нибудь сановника. Привыкнув к лести, не считая ее чем-то особенным и значения тоже почти не придавая. Но и не возражая.

Архонт Каф встретил гостью в ярко освещенной целых тремя большими люстрами и роскошно обставленной гостиной, размером больше, чем вся Валина квартира. Пол устилал огромный пушистый ковер, прежде чем ступить на который Вале почти рефлекторно захотелось разуться. По углам темнела резная мебель наверняка из натурального дерева. Шкафы, стулья. Два пышных дивана, похожих на гигантские подушки, стояли вдоль стен.

Но не мебель была главной примечательной чертой этого места. Изюминкой, на которую Валя в первую очередь обратила внимание, стали картины в рамках, украшавшие стены.

Никаких пейзажей с морем и пальмами; никаких портретов членов семьи или изображений блюд. Все эти варианты казались банальностями, чуть ли не китчем рядом с тем, что висело на стенах в апартаментах архонта Кафа.

На одной картине был изображен город, точнее, темный силуэт города и с длинными тонкими башнями и коническими зданиями. Но... под водой, в полумраке морского дна.

Другая картина изображала спираль ДНК. Просто спираль ДНК, которую Валя смогла легко узнать, даже не будучи биологом. Но выполнена спираль была в трехмерной проекции и с учетом светотени, отчего могла показаться компьютерной графикой.

На третьей картине в небо рвалась, изрыгая дым и пламя из сопел, огромная ракета.

Четвертая картина больше походила на чертеж. Какой-то робот в разрезе, с разными деталями внутри.

Ну а на картине номер пять красовалась «летающая тарелка». Выглядевшая ярким светлым пятном на фоне ночного неба и леса.

— Одно из наиболее свежих технологических решений, которое мы переняли у вас, — прокомментировал последнюю картину архонт, заметив, что гостя задержала взгляд именно на ней, — позволяет преодолевать океаны и континенты за считанные часы. А

главное, не нуждается в большом количестве топлива. За что хотелось бы поблагодарить управляемый термоядерный синтез.

Своими роскошными седеющими бакенбардами Каф напоминал Эйнштейна, голосом — английского дворецкого. Уже немолодой, он оставался стройным и держался с видом аристократа. Того же англичанина, только с титулом лорда, полученным не один век назад.

— Жаль только, что последний раз ваши навевались к нам почти десять лет назад, — не удержался и посетовал архонт, — в первые годы моего пребывания в этой должности. Выпьете?

Сам он держал в одной руке стеклянный бокал на такой тонюсенькой ножке, что, казалось, пальцами можно переломить. В бокале плескалось что-то темное. И Валя, не будучи убежденной трезвенницей, в общих чертах понимала — что. Уж точно не чай или компот.

По этой же причине девушка не стала отвечать на предложение Кафа отказом.

— Почему нет, — были ее слова.

Архонт и его гостя подошли к маленькому столику, скорее тумбочке возле одного из диванов. На тумбочке стояла бутылка и несколько бокалов. Каф наполнил один из них до половины и протянул Вале.

Девушка чуть пригубила. Вино оказалось на любителя. Горчило, малость.

«Мадам, вино делает вас неотразимой, — вспомнился Вале анекдотический диалог. — Но я еще не пила. Зато я много выпил».

— Виноградник у меня свой, — похвалился архонт, — в одной из колоний... в Аргусе. Это на побережье соседнего континента. А народ-то в основном всякую гадость пьет. С океанических ферм.

Затем воскликнул в приливе какого-то не вполне здорового энтузиазма:

— И как вам все это? Я не про гостиную, не про вино... вообще.

И фирменным жестом памятников Ленину («мы пойдем другим путем») указал на огромное, почти во всю стену окно, за которым виднелась панорама вечернего города. Чем ближе была ночь, тем нарядней, даже цветастей он выглядел благодаря иллюминации зданий и гигантским голограммам, вспыхивавшим то тут, то там.

— Когда я только вошел в Совет архонтов, где стал курировать наиболее перспективные научные разработки, — говорил Каф, — только тогда я узнал, какую роль вы... такие как вы сыграли в нашем возвышении. Нет, даже не так. Кому мы все обязаны нашим возвышением.

— То есть... — начала было Валя, но архонт ее не слушал и перебил. Причем не от грубости, что могло бы обидеть. Исключительно от увлеченности и воодушевления. Отчего даже сердиться на него не получалось.

— Несколько веков назад мы были лишь одной из варварских стран. Если не хуже. Ресурсов мало, с соседними землями связи почти нет — мы ведь на острове. Местные царьки грызлись за каждый клочок земли. И сильнейшим среди них считался тот, кому удавалось прибрать к рукам лишней рудник. Народ сплошь неграмотный и живет как скот. А что мы видим теперь? И вы — видите. С вашими технологиями, чертежами, даже просто подсказками мы... взяв это за основу, рванули вперед и опередили весь мир. Многие племена готовы теперь поклоняться нам как богам!

«Молодец, возьми с полки пирожок», — так и подмывало съязвить Валу. Но вслух она ничего не сказала. Разве что сделала еще один глоток из бокала.

Но шутки шутками, а слова архонта многое объясняли. Да что там многое —

практически все странности этого мира, где есть небоскребы, роботы и реактивное оружие... да много чего вообще. И одновременно — дикари с дубинками и в землянках.

Выходило, что не сами атланты достигли таких высот, но им помогли. Какие-то пришельцы из будущего. Но из какого? А главное — как? Алик вроде говорил, что изменить историю, вмешиваясь в ее естественный ход невозможно.

«Не совсем так, — поспешил поправить ее внутренний голос, — Алик-то как раз утверждал, что вмешательство возможно. Чем мы всю дорогу и занимались. Только не меняли ход истории, а наоборот. Делали так, чтобы произошли те события, которые впоследствии породили знакомую реальность. И которые без нас, как это ни парадоксально, произойти не могли».

Да, вмешиваться можно было по-разному. Валя это понимало. Но все равно, ускорить развитие целой страны — казалось ей чересчур.

— Мы уже не нуждаемся в органическом топливе, — продолжал похвальбу архонт Каф, — другие источники энергии используем. Более чистые, а главное, их запасы почти неисчерпаемы. Мы научились лечить многие болезни... больше скажу: теперь даже выращивание новых органов для нашей медицины не в диковинку. Мы обследовали всю планету. Мы создаем колонии на других континентах. На восточном континенте... до самого Внутреннего моря.

Валя машинально вспомнила громадное озеро на месте Черного моря и Днепра, оказавшееся в глубине континента.

— ...и на западном. Кситлос, например. В перспективе возможны даже полеты в космос. На другие планеты. Я понимаю, для вас, в далеком будущем, все эти свершения давно стали рядовой обыденностью. Но все же ответьте: достойно ли мы распорядились вашей помощью? И как в вашем времени запомнили нас и нашу эпоху?

Последний вопрос был провокационным. Врать Валя не любила, так что пришлось воспользоваться советом не к ночи помянутого (даром, что еще не родившегося) Бальтасара Грасиана. Не говорить всей правды. А что, Вале такой подход не раз пригождался. Хотя бы в общении с подругами, приятельницами.

— О вас будут помнить веками, — сказала она с улыбкой, — да что там, тысячелетиями! Для многих ваша страна станет синонимом всего великого. О ваших свершениях будут слагать легенды. Вашими именами будут называть богов.

На последней фразе Вале еще вспомнился позывной «Гор», вышедший на связь во время поединка «летающей тарелки» с боевым беспилотником.

— Не поверите, до сих пор ведутся споры о вас, вашей роли в истории, — подытожила она.

Такая вот, не вся, но правда. Иначе было нельзя. Не хотелось Вале гостеприимного хозяина и исполненного достоинства человека разжаловать до Озимандии. Даром, что явившегося ей живьем.

По причине этой о том, что от Атлантиды не осталось даже руин — лишь россыпь крохотных островков — девушка дипломатично умолчала. Как и о том, что все достижения великой цивилизации ушли под воду вместе с большей частью ее территории. И почти не пригодились остальному миру, продолжившему развиваться естественным путем. Да прилично успевшему развиться. Даже без Атлантиды.

— Но вот о чем хотелось бы поговорить подробнее, — продолжила Валя, — так это о так называемых колониях.

— У нас не было другого выхода, — сквозь чопорность архонта Кафа проступила толика смущения, — на острове и прежде земли было маловато. А когда мы научились лечить почти все известные болезни... я уже молчу о междоусобицах, которые тоже немало жизней преждевременно обрывали. В общем, смертность сильно снизилась. А население, наоборот. Только за последние сто лет на порядок выросло. В результате на острове практически не осталось свободного места. По большому счету это один сплошной гигантский город. Даже сельским хозяйством заниматься негде. Хорошо, смогли гидропонику наладить, океанические фермы опять же. Но даже этого недостаточно. Вот и приходится создавать поселения на соседних континентах.

Сделав паузу в несколько секунд — дух перевести, Каф жадным глотком осушил бокал, пытаясь промочить пересохшее горло. После чего продолжил:

— А полезные ископаемые? Хотя и используем мы давно более экономные источники энергии... в углеводородах и прочей органике для этого не нуждаясь. Но все равно ископаемых требуется с каждым годом все больше. Металлов, стройматериалов. Да той же нефти — для химической промышленности. А как с этим обстоят дела на острове, я уже говорил.

Потом не удержался от сетования:

— Правда, мой коллега архонт Бейт, курирующий в Совете как раз колонизацию дальних земель, жалуется, что желающих ехать в колонии, трудиться там, жизнь обустроить меньше, чем нужно. Даже обитатели нижних этажей... предпочитают тесниться в клетушках и довольствоваться скудными или случайными заработками — но здесь, в Посейдонисе. А не ехать невесть куда. Хотя в колонии любой из них мог бы обзавестись собственным домом. А в перспективе даже разбогатеть. Но не хотят... прозябать им легче, выходит. И вот еще что.

Прежде чем продолжить, архонт снова наполнил свой бокал и немного отпил.

— Мы ведь даже в колониях... не как варвары себя ведем. Если это вас волнует. Не так, чтобы едва придя, перебить всех мужчин и изнасиловать всех женщин.

«А что, с точностью наоборот поступаете? — снова едва удержалась Валя от колкости. — Если так, вам вовсе нет прощения».

— Наоборот, стараемся привлекать местных, — продолжал оправдываться Каф, — на разные работы... говорю же, рабочих рук там не хватает. Опять же торговать пытаемся, приобщать к прогрессу.

— Это все замечательно, — наконец смогла и Валя вставить слово, — но как насчет Гипербореи? Вы вот говорите, что не убиваете и не насилуете. Но если верить местным, ваш киборг похищал там девушек... для чего, кстати? Про какую-то исследовательскую программу нам втирал, но какой спрос с простой машины. Это первое. Второе: я лично видела, как ваш боевой аппарат с воздуха обстреливал мирные поселения. Собственно, за то, что мы помешали и тому, и другому, нас с Аликом арестовали и привезли в Посейдонис.

Аристократическая горделивость покинула архонта Кафа. Плечи поникли, в глазах появилась какая-то лирическая грусть. Словно про первую любовь вспомнил. Нет, скорее, о несчастной любви.

Прежде чем ответить, Каф налил себе еще вина, чем еще больше усилил ассоциацию. В бутылке теперь жидкости осталось на доньшке. Притом, что Валя еще не сладила даже со своим первым бокалом.

— Гиперборея, — затем сказал архонт со вздохом, — с ней все не так просто, дорогая

Ва-Си... или Ва-Ля... простите, забыл.

— Просто объясните, — попросила девушка, — потому что я сама не очень-то понимаю.

— На первый взгляд Гиперборея — почти идеальная колония, — услышала она в ответ. — Почти... потому что климат там жестковат... для нас... север все-таки. Зато ресурсов море! Леса и плодородные земли, в недрах немало нефти и разных металлов, включая золото. И это лишь по предварительным оценкам! Население — дикари, да и не так их и много.

— Но наверняка есть «но», — сказала Валя, и архонт кивнул.

— Многие вещи на деле оказываются не тем, чем кажутся, — молвил он философски, — особенно если кажутся слишком хорошими. Так и с Гипербореей. С нашим присутствием тамошние аборигены не хотели мириться. Ни с каким. Более того, они оказались не такими слабыми, как принято думать о дикарях. Среди них есть люди... среди женщин, обладающие удивительными способностями, которые в древности называли «магией». Да что там... я бы и сейчас назвал, потому что научного объяснения этому так до конца не получено. В общем, им подчинялись силы природы. Стихии.

— Молнии что ли на вас насылали? — не поняла Валя. А еще подумала, что если так, то колдунья, подсказавшая, как справиться с киборгом, была лишь бледной тенью своих коллег из прошлых времен. Теория «уже не торт» в действии.

Ответ архонта, впрочем, это предположение опроверг.

— Нет, — Каф махнул рукой, — на первый взгляд ничего необычного и сколько-нибудь эффектного. Просто с нашими людьми стали случаться неприятности. Вроде бы естественного происхождения, и вроде бы объяснимые с научной точки зрения. Просто происходили слишком часто и как по заказу. То лес превращался в непроходимый лабиринт... безвыходный, вдобавок. То дождь принимался лить с утра до вечера, нескончаемо, несколько дней. Отчего окрестности в болото превращались. То налетали стаи гнуса, то какая-то птица или зверушка заносила опасную инфекцию. Совпадения? Но почему сплошь не в нашу пользу?

Подняв в очередной раз бутылку, архонт бултыхнул остатки жидкости на доньшке и с еще более погрузневшим видом поставил ее обратно. Как затем и бокал. Направился было к одному из шкафов — за добавкой; не иначе, был у него там полный бар спиртного. Однако передумал и плюхнулся на диван. Спесь «а ля аглицкий лорд» за ненадобностью отбросив.

— На какое-то время про Гиперборею вообще пришлось забыть, — сообщил он затем, — на столетие как минимум. Но и теперь... живьем мы туда не суемся. Предпочитаем технику посылать.

«Примерно как наши современники — на Луну или Марс, — подумала Валя, — ни фиги себе сравненье! С непригодными для жизни планетами».

Сама она осталась стоять, присоединяться к хозяину гостиной не спешила. Не то, чего доброго, этот подвыпивший старый козел начнет приставать.

— Даром, что иная техника по виду похожа на человека, — продолжал архонт Каф, а гостя его вспомнила при этих словах киборга «Кена», — например, чтоб общение с местными наладить.

— Или убивать, разрушать и похищать, сохраняя жизни своих дражайших граждан, — съязвила Валя, — небось, если бы живых солдат послали... у них ведь мамы-папы есть. Братья, сестры, друзья. Устроили бы в случае мясорубки вам бунты по всей стране. С

рисованием пацификов на стенах.

Разумеется, архонт не знал, что такое пацифик. Но общую мысль понял и согласно кивнул.

— Не без этого, конечно, — были его слова, — но поймите... как я уже говорил, не так все с этой Гипербореей просто.

Голос его звучал теперь почти умоляюще.

— Не поверите, у нас на Совете до сих пор нет согласия по этой теме. Более того, каждое заседание... стоит на нем хотя бы эту Гиперборею упомянуть, обязательно превращается в перебранку. Архонт Гимл... он у нас военными вопросами ведает, то и дело лезет с разными предложениями, как от гиперборейцев несчастных просто избавиться.

«Несчастных, ага, — подумала Валя, — крокодиловы слезы, знаем-с. А крокодиловы потому, что сам тоже не удержался, назвав массовое убийство... избавлением. Не хреново».

— От вульгарных налетов военной техники... операция «Гор», так называемая, — продолжал архонт, — чтобы разрушать и убивать, не неся потери. До экспериментов с климатом. С атмосферой, например. Ну, чтобы сделать Гиперборею холоднее, и тем вынудить аборигенов перебираться на соседний континент. Последнее предложение вообще из ряда вон. Наклон земной оси попытаться поменять. Добившись таким способом того же самого... изменения климата. Но надежнее.

— А вы? — с совершенно невинным видом осведомилась Валя, хотя ее так и подмывало подколоть собеседника.

Впрочем, как показал его ответ, архонта девушка недооценивала.

— А я как обычно против, — ответил он скромно, но с достоинством, — Гимл даже хотел меня привлечь... ну, научные учреждения, из числа тех, которые я курирую. Где и оборудование лучшее, и кадры. Я отказался. Хотя в подчинении Гимла и свои ученые есть. Надо же кому-то оружие разрабатывать и совершенствовать. Что до меня, то я считаю... и на Совете заявляю раз за разом, что эта затея вредна и даже опасна. Во-первых, последствия экспериментов с климатом... я не говорю про ось земную, трудно предсказать. Только в одном я уверен: что на нашем острове это тоже может отразиться, Да наверняка отразится... не лучшим образом.

— А во-вторых? — поинтересовалась Валя.

— А во-вторых, поступать подобным образом... уничтожая целый народ не просто непрактично. Это хуже варварства. Те, кто побежденных врагов убивает и насилует, хотя бы что-то получает... женщин тех же. И что-то оставляет после себя... в данном случае, свое потомство в этих женщинах. Нам же в лучшем случае при таких делах достанется зачищенная и почти непригодная для жизни местность. Не говоря о том, что женщины гиперборейцев... их таланты — это тоже ценный ресурс, если вдуматься. И пренебрегать им... все равно как дорогой мебелью печи топить.

Валя подумала, что когда припрет, на дрова пойдет даже дорогая мебель. Жители блокадного Ленинграда соврать не дадут. А вслух сказала:

— Так для этого вы похищали гиперборейских девушек? Надеялись заставить работать на себя? А не боялись, что они?..

— Да нет же! — всплеснув руками, воскликнул, перебивая ее, архонт Каф, так и не дослушав, как могли, по мнению его гости, подгадить атлантам плененные колдуньи, — ну как вам объяснить? В общем, не один век... ну, с тех пор, как ваши нам помогают, мы развивали лишь технику... наш общий дом. Но не развивались сами — люди, в нем живущие.

Не до того было. А отсутствие развития неизбежно ведет к деградации. Население наше и деградирует. Вырождается, медленно, но верно. Причем последнее поколение — не сказать, что и медленно. Распространяется пьянство, наркомания, извращенные отношения. Да и даже добропорядочным людям... многим людям... и беднякам, и вполне обеспеченным просто плевать на мир за пределами привычного для них круга. До того дошло, что многие не умеют читать... даже имея возможность учиться. Возможность есть, но они не хотят.

— Но как здесь помогут гиперборейцы? — спросила все еще не понимающая Валя. — Сами-то они...

— Понимаю, они вообще письменности не имеют, — сказал архонт, — но если бы мы определили условия возникновения у женщин Гипербореи их способностей, о которых я говорил... на генном уровне и вообще. Если бы смогли эти условия воспроизвести и... как бы... распространить на наших людей, это бы неплохо подстегнуло их развитие.

Переведя дух, он затем подытожил:

— Так думал... и до сих пор думаю я. И так возникла программа «Жнец».

— Вот он! — бодренько так сообщил сидевший рядом пилот везшего меня «воробья». — Дворец архонтов.

По ту сторону укрывавшего кабину прозрачного колпака виднелся приближающийся комплекс зданий, усеянных яркими крапинками светящихся окон.

В отличие от большинства зданий в городе, были эти постройки не ступенчатыми пирамидами, а остроконечными башнями. То есть, по форме, строго говоря, тоже могли считаться пирамидами, вроде египетских. Но имели сравнительно небольшие основания. По сечению — примерно на порядок меньше, чем высота.

Неужели архонты, сиречь правители местные, решили позволить себе некоторую оригинальность? Ну, чтобы их обитель не перепутали с домами и местами работы простых смертных.

Хотя, скорее всего объяснение было проще и к понтам элитным отношения не имело.

Во-первых, как я понял, форма ступенчатой пирамиды отражала, помимо прочего, социальное расслоение атлантов. Нижние этажи для бедняков, более обеспеченные (их меньше) живут повыше. А на самых вершинах устроены пентхаусы для богачей. Тогда как у архонтов подобного разделения быть не могло. Они типа равны, как и члены любой из известных историкам олигархий. И даже главный среди них, как средневековый король, лишь первый среди равных. Да, в башнях помимо архонтов наверняка обитает еще уйма народа. Охранники, аппарат, обслуга всякая. Ну, так и обслуга — она обслуга и есть. В глазах архонтов тоже равна в своем подчиненном положении.

А во-вторых, башни в отличие от пирамид, сэкономили место. Фактор, игнорировать который в перенаселенном городе не может даже правящая верхушка. С тем же успехом (гы-гы) можно было проигнорировать закон всемирного тяготения и выброситься с самого верхнего этажа своей башни. Надеюсь, что привилегированный статус поможет уцелеть.

Проще говоря, на той площади, где эти несколько башен торчали, можно было разместить всего одну пирамиду правильных пропорций. Тогда как каждому архонту наверняка хотелось по отдельной башне.

— Семеро их, — подтвердил последнюю мою догадку пилот, — что архонтов, что башен. У каждого своя, как вы понимаете.

Семибоярщина, блин! Нет, скорее, на ум приходила цитаты из Библии. Как там? «И увидел выходящего из моря зверя с семью рогами»? Действительно, формой башни архонтов напоминали гигантские рога. Хотя еще больше походили на огромные граненые клинки.

И вообще, правильно (вспомнил я!) цитата звучала так: «с семью головами и десятью рогами». Хотя с тем же успехом каждого архонта можно было считать этакой символической головой, управляющей гигантским государственным организмом. Зря, что ли верховного правителя еще принято называть главой (то есть головой) государства?

Впрочем, данный «зверь» из моря не выходил. Напротив, ему грозило стинуть в пучине морской, превратившись в легенду, миф и предмет околонучных споров.

Но пока он погружаться под воду не собирался. Был жив и относительно здоров... по крайней мере, казался таким — семиглавый монстр, рядом с которым и Змей Горыныч выглядит скромно.

— Архонт Алв, — между тем разливался соловьем пилот, решивший видно попробовать себя в профессии гида, — курирует экспедиции по открытию и исследованию других земель. Ему же подчиняется морской флот. Архонт Бейт отвечает за освоение этих земель. Создание там колоний, торговлю с туземцами и все такое прочее. Архонту Гимлу подчиняется военная техника и наши вооруженные силы. Ну, кроме нас, корпуса стражей. У нас свой начальник — архонт Далт. Архонт Хетт курирует всю промышленность кроме военной. И отвечает за снабжение острова и колоний едой и другими полезными товарами. Архонт Йод...

«Которым рану обрабатывают? — едва удержался я от вспышки остроты почти в Валином духе. Как говорится, с кем поведешься, от того... от той и наберешься. — Или он типа магистра Йоды?»

Последующие слова пилота показали: архонт сей и то, и другое. В некотором смысле.

— Этот медициной ведает, — были его слова, — ну и образованием еще. И наконец, архонт Каф. Курирует перспективные научно-технические разработки. А также отвечает за контакты с вашими... коллегами, человек из будущего.

— И как вам еще не надоело всем называть меня «человеком из будущего»? — посетовал я устало. — В курсе, что у меня имя есть? Алик я.

— Лик? Алк? — переспросил пилот. Видимо, имена длиннее одного слога (людские имена, не географические названия) его мозг не воспринимал. Хотя чего я ждал от человека, последним назвавшего именно того из архонтов, который здесь отвечал за прогресс. И неплохо показал отношение атлантов к самому прогрессу.

И уж тем более не стоило ждать блеска интеллекта от человека, позволившего себе расслабиться и непринужденно болтать, подвозя меня. Ужасного меня, который накануне хладнокровно пришил нескольких его коллег. И готов был остальных (включая этого болтуна) поджарить тоже.

Короче, нашел тоже себе приятеля. Болван Лошарович, хе-хе. Даже необходимость следить за дорогой... точнее, куда летишь, не повод терять бдительность. По крайней мере, в присутствии некоторых людей. Пилот вот, парнишка молодой-зеленый, потерял.

— Так которая из этих башен принадлежит архонту Кафу? — спросил я осторожно. Стараясь, чтобы голос мой звучал как можно менее эмоционально. У меня ведь вопрос как бы праздный, из чистого любопытства.

— Да вот она, — с все тем же энтузиазмом довольного жизнью служаки ответил пилот, — мы как раз к ней направляемся...

И осекся, почувствовав холодную твердость стреляющей трубки возле своего лица. Своей табельной трубки. А все почему? Потому что потерял бдительность и позволил мне (ужасному мне!) оружие свое, к поясу прикрепленное, вытащить.

Ну, прямо не человек, а мечта фокусника. Такого даже отвлекать не надо. Точнее, отвлечь его внимание — пара пустяков.

— А теперь мы поменяемся местами, — медленно и вполголоса проговорил я.

— С чего это вдруг? — пилот нахмурился. — А-а-а, я кажется, понял. Человек из будущего, так вы мне угрожаете?

Последние три слова он произнес таким тоном пренебрежительного изумления. Затем усмехнулся, вновь расслабившись.

— Не знал я, что в будущем люди такие невежественные, — уж совсем весело молвил он, — доступ к табельному оружию и доступ к «воробью» дает одно и то же устройство. Видите эту штуку на приборной панели?

И он указал пальцем на уже знакомую мне шишечку.

— Так вот, — были его слова, а взгляд и тон просто-таки источали превосходство, — здесь мы можем либо лететь, либо стрелять. То есть, если ты забереешь ключ доступа, чтобы воспользоваться оружием, «воробей» потеряет управление, и мы разобьемся. Ну а без ключа трубка эта — всего лишь кусок металлопластика.

— Угу, кусок, — кивнул я, словно бы соглашаясь.

Но уже секунду спустя пришел мой черед продемонстрировать интеллектуальное превосходство.

— Причем довольно твердый кусок и не легонький. А значит, им можно больно ударить. Любой дикарь это понимает. А ты... хочешь, проверим?

Пилот встревоженно замотал головой, а я еще масла в огонь подлил:

— Если же ударить в висок, это вообще может оказаться смертельным. Так что... осмелюсь повторить свою просьбу. Пусти меня к штурвалу.

Страж вздохнул и, перевалившись через меня, перелез на мое сиденье. Тогда как я перебрался на его. Еще, из-за тесноты в кабине едва не плюхнулся мне на колени, гад. Возможно, даже специально. И ладно бы попытался таким способом мне помешать. А ну как если он тоже... ну, из тех, у кого вместо жены и детей — «друг». Не доверяю я что-то этим атлантам. Точнее, и без того поводов себе доверять они не давали. Но с учетом специфических пристрастий некоторых из них недоверие еще больше усилилось.

Собственно, именно недоверие толкнуло меня на этот поступок — снова захватить летающее суденышко.

Нет, я не сомневался, что коль стражи обещали отвезти меня к архонту Кафу, то к архонту Кафу и везли. Не в тюрьму и не в гигантский, «а ля Освенцим», крематорий. Что меня напрягало, так это сам факт, что везли. Меня. А не я ехал (точнее, летел) сам.

Не хотелось, знаете ли, чтобы меня доставили этому Кафу как торт в коробке, перевязанной ленточкой, или как заказанную пиццу. Хотелось самому владеть ситуацией. А не дать распоряжаться собой ни стражам (имевшим на меня зуб), ни пресловутому архонту. От которого вообще непонятно чего ожидать.

В лучшем случае — думал я — меня, доставленного на манер торта или пиццы, заставят ждать не один час в приемной, коридоре или еще где. Покуда его превосходительство архонт Каф не соблаговолит принять меня, уделив хотя бы пару минут своего драгоценного времени. А сам пока устроит свидание с другой гостьей из будущего. Или хотя бы попытается подкатить.

Что могло по прибытии ждать меня в худшем случае — я как-то даже и предположить не рискнул. Тут, как говорится, нет предела совершенству. Вплоть до того, что почтенный архонт велит меня трансклюировать. Формулировка будет другая, но суть та же. Выслушает эдак внимательно, с грустью и выражением государственной мудрости в глазах, про мои приключения... уголовным законодательством любой страны, в любую эпоху называемые несколько по-другому. Да и велит.

И кто тогда выручит Валю? Хотя бы.

За штурвал я мог взяться только одной рукой — другой держал трубку. На тот случай, если припугнутый мною страж окажется недостаточно припугнутым и попробует что-нибудь выкинуть.

Понятно, что удобным управление одной рукой назвать было трудно. Что меня совершенно не устраивало.

— У тебя наручники есть? — обратился я к стражу.

— Чего? — не понял тот, и без того возмущенный захватом летающего кораблика и пленением себя, любимого. А тут еще захватчик вопросы странные задает.

— Ну... такая штука, — попытался я объяснить, вынужденный одновременно и за стражем следить, и за приближающимся дворцом, — что-то, чем вы особо активных арестантов обездвигиваете. Фиксируете как-то их, чтобы поменьше дергались.

Сделал секундную паузу, затем добавил — как можно строже, даром, что при переводе интонации терялись:

— Только не вздумай утверждать, будто ничего такого у вас нет. Не может не быть... если только вы не стреляете в таких арестантов. Что вряд ли. Да и вдруг кто-то в кабине чудить начнет. А тут... сам видишь. Доступ либо сюда, либо туда. Так что не ври. Иначе по башке тюкну.

И я слегка потряс рукой, сжимавшей трубку.

Страж вздохнул, погрузнев еще больше прежнего. И пошарив в одном из многочисленных карманов форменных штанов, достал белую блестящую ленту в ладонь шириной.

Лента выглядела твердой и прочной. При ее изготовлении явно не обошлось без металла. На то же указывала ее намагниченность: при сближении концы ленты начинали притягиваться один к другому.

Не требовалось большого ума, чтобы понять, как пользоваться этой штукой.

— Руки, пожалуйста, — с подчеркнутой вежливостью обратился я к стражу.

Тот снова грустно вздохнул и протянул запястья. Не выпуская штурвала, а трубку положив на колени, я свободной рукой обмотал ленту вокруг них. Замкнувшись, та со щелчком закрепилась. А я повернулся к приборной панели и башням дворца архонтов прямо по курсу.

«Не вздыхай ты так, — еще хотелось мне успокоить парня-стража, — это ненадолго, скоро все закончится. Я тоже не зверь».

Но, разумеется, ничего такого не сказал. Пусть лучше вздыхает... и боится. Как и следует бояться плохого парня, замочившего нескольких человек.

Репутация — она ведь, как ни крути, тоже оружие. Или средство защиты.

— Изначально программа называлась «Дар», — рассказывал архонт Каф, поудобнее устроившись на диване, — и предусматривала лишь сбор разведочной информации. Никакого насилия к гиперборейцам.

Валя, которой надоело стоять, тоже села на диван. Но так, чтобы быть от хозяина гостиной подальше. На расстоянии чуть подальше вытянутой руки. Могла бы еще дальше отсесть, но тогда архонт сразу бы это заметил. И подумал бы (или понял), что гостя его опасается.

А кто знает, что у Кафа на уме, особенно под хмельком. Может сделать далеко идущие выводы, что Валя-де боится домогательств с его стороны. То есть ждет от него домогательств. То есть воспринимает как полноценного мужчину, а не просто пожилого дядьку, ей в отцы годящегося. И кто знает, вдруг, польстив (хоть и опосредовано) его самолюбию, Валя может его спровоцировать. И захочет архонт, чего доброго, показать, что он-де еще «ого-го».

Каф, однако, был на своей волне, и интереса к молодой гостье... по крайней мере, такого интереса, не испытывал.

— С помощью беспилотных летательных аппаратов, — говорил он, — и других роботов мы выяснили, кто они такие — колдуны Гипербореи. Точнее, колдуньи. Официально, кстати, это слово не употреблялось. Применялись термины «парапсихологические способности» и «психокинез». Ну, так вот...

Архонт потянулся к тумбочке и бутылке, посмотрел на нее, почти пустую. Встряхнул. Увидел, что на доньшке что-то плещется, но мало. И снова ее отложил.

— Взял бы добавки, — молвил он доверительно, — или послал за ней. Но понимаю... вредно. Особенно в моем возрасте. Так о чем я? Ах, да!

И продолжил рассказ:

— Где-то разведывав... видео снимав, где-то кого-то расспросив — ну, с помощью роботов, внешностью почти неотличимых от человека, мы выяснили, что у всех... носителей этих... способностей есть кое-что общее. Первое — они сплошь женского пола. Среди мужчин ни одного... колдуна... ладно, пусть будет колдун... не было. Второе — они все сторонились людей. Жили порознь, на отшибе или вообще в лесу. В селениях появлялись редко. С простыми людьми, никаких способностей не имеющими, контактировали разве что при крайней необходимости. И уж тем более не выходили замуж, не заводили семьи. Да что там, у них даже любовников не было! И, наконец, третье: способности эти странные проявлялись у них по слухам с самого раннего детства. Что, конечно, нервировало суеверных родителей. Некоторых — до такой степени, что они выгоняли родное дитя из дома, из селения. Уводили в лес, на съеденье волкам. Однако девочки и тогда — выживали.

Валя вспомнила волка Вуулха, и как Алику удалось наладить с ним контакт. Вспомнила и подумала, что даже слабенькая колдунья вроде той, что встретила с Аликом, вполне бы могла добиться того же. Без ЛНМа — с помощью одних лишь своих умений, сработавших тогда, у нее в избушке, не хуже.

— Понимаете, что это значит? — вопрошал между тем архонт.

— Те несчастные девочки могли общаться с животными, — ответила Валя под

впечатлением от своих воспоминаний, — ну и умудрялись уговорить их. Не трогать. А может, даже помочь. Ну, едой поделиться, обогреть.

— Да я не об этом! — Каф всплеснул руками. — То есть, конечно, оно так и было... скорее всего. Но я вообще... о явной биологической подоплеке этих способностей.

Валя пожала плечами.

— «У-у-у, биология!» — зачем-то процитировала она дурацкую песенку времен ее детства, не забыв поставить ударение на последнее «и». — Не знаю, простите. Не могу сказать. Я все-таки историк, а не биолог.

— Специалисты пришли к выводам, — сказал архонт, — что речь идет о врожденных признаках. Вероятней всего, даже наследственных. Хотя однозначно рецессивных. И в то же время связанных с женскими хромосомами. Одиночество же колдуний объяснялось тем, что... хм, так сказать, настройка организма, обеспечивающая им сверхъестественные способности, чрезвычайно тонка. И... хм, половой контакт...

«Да он ханжа, однако! — подумалось Вале при последней фразе Кафа, особенно учитывая, каким тоном он ее произнес. — Зря я опасалась. Проживет еще десять лет, и будет как бабки из нашего времени, которые любую проходящую девушку в проститутки записывают».

— ...половой контакт ее нарушает, превращая колдунью в обычную женщину, — продолжал архонт. — Тут можно провести аналогию с канатоходцем. Когда идешь по канату, трудно удержать равновесие. И малейшее движение, неверное или просто резкое, и внешнее воздействие способны его нарушить. Канатоходец срывается и больше, как вы понимаете, вернуться на канат не может.

— Простите, я не поняла, — Валя нахмурилась, — а какой вам толк от способностей, доступных только отшельницам и старым девам? Как вы надеетесь улучшить своих граждан... на новый уровень поднять? Что толку, если это будет означать отказ от размножения? Улучшитесь — и вымрете, так?

И поймала себя на мысли, что нечаянно подобрала любопытную гипотезу о гибели Атлантиды. Вымирание. Но оно не объясняло, почему сам остров исчез с карты мира.

— Не так, — строго возразил архонт Каф, — это ограничение мы надеялись устранить... сперва вычленив сам источник способностей. Вычленив и научившись получать его синтетическим путем, мы надеялись, в том числе восстанавливать так называемый «дар» в случае утраты. Простой прививкой! Но прежде следовало обнаружить источник, установить его. А это требовало экспериментов... лабораторных исследований.

— И подопытных человек, — в тон ему молвила Валя, — из числа темных аборигенов, которых не жалко.

— Так без этого нельзя! — воскликнул архонт, явно недовольный, что какая-то девчонка, пусть и почетная гостья, осуждает его, недовольна им. — Сами говорите, вы историк, а не биолог или медик. Так что не вам судить о методологии подобного рода исследований. И не с вами мне ее обсуждать. Скажу лишь, что без биологического материала... максимально соответствующего... хм, определенным требованиям, провести эти исследования попросту невозможно. Невозможно, понимаете вы?!

— Допустим, понимаю, — примирительно сказала Валя, видя, что собеседник ее заводится, теряет самообладание.

Сработало. Немного успокоившись, Каф продолжил:

— С учетом этого обстоятельства мы и переименовали исследовательскую программу в

«Жнеца». Тогда же решили, что исследовать уже опытных, состоявшихся колдуний... сюда везти — небезопасно.

— Незрелые плоды предпочли пожинать, — хмыкнула Валя.

— Можно сказать и так, — с достоинством молвил уже окончательно успокоившийся архонт, — тогда же предположили, что в некоторых женщинах... точнее, юных девушках гиперборейцев колдовские способности могут присутствовать в зачаточном состоянии. То есть, можно не только вычленив источник, о чем я уже говорил. Но и помочь этим способностям развиваться в какой-нибудь из подопытных...

— Пленниц, — не удержалась и перебила его Валя.

— ...чтобы применять уже на пользу Атлантиде, — закончил архонт.

— За бочку варенья и корзину печенья, — дополнила Валя последнюю его мысль, — неужели вы сами не осознаете, насколько это отвратительно?! Относиться к людям, как к лабораторным крысам! Да еще разлучая семьи!

— А зарывать редкие таланты — не отвратительно? — вопрошал ничуть не смутившийся Каф. — А ими же разбрасываться? Это, по-вашему, хорошо? Но так и получится, если Гимл протащит-таки на Совете свою идею об уничтожении населения Гипербореи! С помощью климатического оружия. Ну а даже если не протащит... разве лучше, если носители уникального дара... да не одного, вероятно, будут прозябать в диких землях на краю мира? Где их не очень-то ценят, я уже говорил. Неужели то, что мы затеяли, более отвратительно, чем родители, выгоняющие из дома детей? А там, в Гиперборее, так и поступают. И не только с будущими колдуньями. От любых детей избавляются в голодные годы.

Так может, для иной девушки или даже девочки лучше достаться нам, чем диким зверям на обед? Тем более что мы не только похищаем. Сначала мы всегда предлагаем гиперборейцам выкупить их чад, подходящих для исследований. Причем должен сказать, многие соглашаются. Те, у кого столько дочерей, что им даже спать негде. Или те, у кого замуж свою кровиночку выдать не получается. Много вариантов...

Архонт перевел дух, а затем добавил:

— Знаете, что на самом деле отвратительно? О, охотно приведу пример... тут недавно Далт... ну, который корпусом стражей ведает и охраной порядка. Так он недавно поделился: накрыли внизу один притон. Откуда помимо прочего освободили девочку, еще младше тех, которых мы из Гипербореи забрали. Ее держали на цепи, пичкали дрянью и где-то лет с пяти заставляли ублажать всякую мразь... своим милым ротиком.

Валю передернуло от таких слов. Что ж, по крайней мере, здесь она была с Кафом согласна. Ничего кроме отвращения у нее эта история не вызывала.

Отвращения — ну и жалости, само собой.

— Всяких подонков, — продолжал архонт, довольный произведенным эффектом, — которые только и умеют, что унижать тех, кто слабее, да удовлетворять свои низменные потребности. А больше ничего не могут, а главное, не хотят. Но главное: своим примером заражают других людей. Вроде нормальных, но слабых духом. Которым их копошение в дерьме может показаться подкупающей легкостью жизни.

Так что... можете говорить и думать, что хотите... и не знаю, к чему приведут мои начинания. Вам виднее. Но если выбирать между будущим с колдуньями и будущим с такой мразью, то лично я предпочту первый вариант.

Потом добавил — немного помолчав:

— Да ведь и вы... вполне нормальная девушка. Так что второй вариант тоже не про вас. Это радует.

«Ой, да кто тебе сказал, что я нормальная? — и вновь Валя едва удержалась от хохмы. — С чего? Я ведь и сама с собой не разговариваю только потому, что не очень себе доверяю».

А вот архонту Кафу было не до шуток.

— Та девочка сейчас в больнице, — сообщил он совершенно серьезно и даже печально, — организм ей очищают. Да, буквально очищают от всей той гадости, на которой ее держали. Врачи клянутся, что поставят ее на ноги. Но помимо телесного здоровья есть и душевное. А вот его, боюсь, уже не выправить. Никак.

Сделал крутой вираж над дворцом — чтобы иметь запас расстояния для разгона. А затем, ускоряясь, бросил «воробья» на башню архонта Кафа.

Не знаю, в какой год меня занесло, и какое число стояло на календаре атлантов. Но моими стараниями сегодня для них должно было наступить одиннадцатое сентября. Ну, то есть, не совсем конечно. На уровне демо-версии. Без человеческих жертв... как я надеюсь, с обеих сторон.

Маневры мои не остались незамеченными для стража, бывшего пилота этого кораблика. — Эй! Человек из будущего! — окликнул он меня, и в голосе его, не прошедшем через горнило ЛНМа слышался страх. — Что это вы задумали?

Последний вопрос был, определенно, риторическим. Даже дебил бы понял, для чего можно нестись на полной скорости к зданию, что прямо по курсу. Сообразил и этот страж. Будучи молодым простофилей, но не дураком.

Еще и попытался остановить меня, когда понял.

Да, руки его сковала лента, заменявшая в Атлантиде наручники. Зато их совместному движению она почти не мешала. В том числе движению в мою сторону.

Скованные лентой, как сцепленные в замок, эти руки врезались мне в голову. Бли-и-ин... а удар-то у молодого стража оказался поставлен что надо! В ушах зазвенело, в глазах потемнело, на мгновение я выпустил штурвал. А еще стало жалко боксеров, коим получать удары не меньшей силы приходится по несколько раз за матч.

Я, впрочем, тоже в долгу не остался. Едва страж потянулся к штурвалу, надеясь изловчиться и ухватить его скованными руками, я, приходя в себя, от души двинул этого гада локтем под ребра.

Охнув, страж откатился на свое сиденье. Но не сдавался. Едва я успел восстановить управление, как страж снова сумел достать меня. На этот раз ногой.

Пинок у него получился, правда, не такой умелый и удачный. Только разозлил меня. Пришлось привести в действие свою угрозу.

Удерживая штурвал одной рукой, я второй схватил трубку и со злостью рубанул по выставленным пальцам скованных рук стража. Тюк! Страж вскрикнул почти по-женски.

Я замахнулся вновь, целя в голову. Страж беспомощно прикрыл лицо руками — даром, что и без того пострадавшими. Я же почувствовал в тот момент себя палачом и вообще сволочью. Так что бить передумал. Вернулся к управлению «воробьем».

Не предпринимал и страж новых попыток на меня напасть. Точнее, не успел. Потому что уже несколько мгновений спустя летающее суденышко достигло одного из огромных окон на верхних этажах башни Кафа. И... проламывая острым носом не то стекло, не то прозрачный пластик, его закрывавший, ворвалось внутрь.

Не теряя времени, я отцепил шишечку-ключ от приборной панели и прикрепил к стреляющей трубке. Прозрачный колпак над кабиной сам собой отодвинулся с моего пути. И с трубкой в руках я выскочил... в большую комнату, где явно шло какое-то совещание. Несколько человек сидели за столом с закругленными углами, еще один стоял перед огромным голографическим экраном. И все дружно смотрели то на кораблик, то на меня, оттуда выскочившего, то на пролом в стене на месте окна.

Испуганные были их взгляды. С примесью удивления, крохотной каплей недовольства и раздражения — как же, оторвали от важного дела. Но больше всего было в глазах совещающихся банального страха. Совершенно естественного страха, который испытывает любой безоружный человек при виде человека вооруженного. Да, вдобавок, появившегося внезапно и не шибко цивилизованно.

— Эй, вы все! — выкрикнул я, поводя трубкой перед собой, нацеливая ее то на одного, то на другого участника совещания. — Мне нужен архонт Каф. Где я могу его найти?

— Тремя этажами выше, — отозвался один из сидевших за столом людей.

— Спасибо, — сказал я и зашагал мимо них к выходу из комнаты.

Все правильно, ребята. За риск вам не доплачивают, так что героев изображать да выказывать верность своему боссу, аки рыцари короля Артура, нет смысла. Вас спросили — вы ответили. И что немаловажно, остались живы. Не вздумайте только попытаться меня остановить.

Никто, впрочем, и не пытался.

Выйдя в коридор, я поначалу несколько растерялся. Форму он, как оказалось, имел не прямую, к какой я привык в своем времени, и даже не круглую, как на «летающей тарелке». Но изгибался спиралью на манер панциря улитки. Безумная планировка!

Надо ли удивляться, что первое же выбранное наобум направление завело меня в тупик. Вдобавок, я почти нос к носу столкнулся с какой-то дамочкой лет тридцати — невысокой, худенькой и коротко подстриженной.

Она как раз выходила из какой-то двери. А при виде меня (вооруженного парня, как минимум на голову ее выше), испуганно и тихонько взвизгнула. И попятилась было обратно.

— погоди, не бойся, — попросил я ее, одновременно дотрагиваясь указательным пальцем до своих губ, — и не шуми. Убивать тебя я не собираюсь. Просто подскажи, где тут лифт.

И зачем-то добавил:

— Я ищу свою девушку.

А что? Вдруг эта женщина тоже в кого-то влюблена. И услышав последний довод, захочет проявить солидарность.

Не знаю, сработала ли фраза про девушку или безвестная подчиненная архонта Кафа просто испугалась стреляющей трубки, но ответить на мой вопрос она не отказалась.

— Пройдите по коридору... в обратную сторону, — были ее слова, — за первым же поворотом... нет, за вторым — увидите. Такая дверь... прозрачная. Не спутаете ни с чем.

Поблагодарив дамочку, я двинулся в обратную сторону и вскоре действительно увидел прозрачную дверь. Из нее как раз выходили три человека, посмеивавшиеся и о чем-то переговаривающиеся. Два мужчины, одна женщина.

Я отступил за поворот, чтобы не попадаться лишний раз никому на глаза. И только когда три сотрудника башни скрылись из виду, подошел к прозрачной двери.

Опасался, что войти в нее позволялось по спецпропуску, вроде шишечки-ключа у стражей. Или по отпечаткам пальцев. Или даже по сетчатке глаза. Да мало ли чего можно было ждать от технологически продвинутой цивилизации — более продвинутой, чем твоя собственная. Особенно под впечатлением от разного рода фильмов, фантастических и не только.

Но... ничего подобного здесь не было. Прозрачная дверь просто отодвинулась автоматически с моего пути — как в мое время отодвигаются двери торговых центров — и

пропустила в такую же прозрачную кабину.

Добро пожаловать в страну непуганых идиотов? Сомнительно, учитывая вооруженных молодчиков, разгуливающих по улицам Посейдониса среди бела дня. Как и башни с пулеметами вокруг штаб-квартиры корпуса стражей. Охранявшие тех, кто сам должен охранять порядок в городе.

Просто, похоже, даже здесь не родился еще такой отчаянный отморозок, чтоб вломиться без спроса в святая святых — резиденцию одного из местных правителей.

Что ж, господ аатланты. Все когда-нибудь случается в первый раз.

Вместо пошлой доски с кнопками, знакомой каждому моему современнику, живущему в многоэтажном доме, здешним лифтом управлял сенсорный экран. Что-то вроде небольшого плоского телевизора или монитора на подставке с ножками.

Экран изображал башню Кафа в разрезе с разделением на этажи. Этаж, на котором находился лифт в данный момент, был выделен более ярким цветом, словно подсвечен. А чтобы отправиться на нужный этаж, хватило просто дотронуться до экрана пальцем в той части схемы, где этот этаж изображался.

Что я и сделал. А потом несколько секунд наблюдал, как по ту сторону прозрачной кабины проплывали этажи с коридорами, дверями, ходящими туда-сюда людьми.

Пунктом назначения для меня стал самый последний этаж — у вершины башни. Здесь, учитывая ее пропорции, места было заметно меньше. Зато коридор был просто круглым, без всяких извращений.

И в этом круглом коридоре я сразу обратил внимание на широкую двойную дверь, возле которой стоял навтыжку высокий человек в белоснежной форме. Да с такой же, как у меня стреляющей трубкой, прикрепленной к поясу.

Что могло находиться за этой широкой, а главное, охраняемой дверью последнего этажа правительственного здания — догадаться было несложно. И если это не то место, где следовало искать архонта Кафа, тогда я не представлял, где этого архонта вообще искать.

При виде меня, человек в белом потянулся было за стреляющей трубкой, но я его опередил. Одним стремительным рывком оказался рядом и приставил свою трубку к его голове.

— Дернешься — выстрелю, — без обиняков предупредил я, — бросай оружие.

С легким стуком трубка охранника упала на выложенный мраморной плиткой пол. Привыкнув к безопасности своей по большому счету почетной службы, охранник был не готов играть в ковбоя. И вообще рисковать жизнью.

— Мне нужен архонт Каф, — сказал я, а сам, чуть нагнувшись, свободной рукой, подобрал трубку охранника, — он за этой дверью?

— У архонта важная встреча, — вместо ответа произнес человек в белой форме, — и он...

— Обойдемся без подробностей, — меня передернуло даже при попытке представить, как может проходить встреча местной шишки с Валею... моей Валею, — не то у тебя самого будет свидание с лучом из моей трубки. Или из твоей, по фиг. И я все равно войду. Уяснил?

Охранник судорожно закивал и отошел в сторону. А я, с двумя трубками в каждой из рук толкнул ногой дверь. И переступил порог ярко освещенной комнаты, больше похожей на гостиную, а не на кабинет.

— ...и кто знает, — как раз вещал архонт, сидя на диване рядом с Вале́й, — может, нам удастся даже создать новую расу. Объединив природные возможности гиперборейцев с нашими технологическими достижениями. Да, это трудно, и цель кажется недостижимой. Но альтернатива еще хуже. Это деградация нашего общества и прозябание в дикости гиперборейцев. В лучшем случае. В худшем... я уже говорил: Гимл со своими планами тотального уничтожения и климатическими фокусами.

Голос у Кафа заметно заплетался, а цепкий мой взгляд вмиг заметил бутылку на тумбочке рядом с диваном. Бутылку — точно не из-под кефира или даже кока-колы.

Все правильно. Как не поразглагольствовать, приняв на грудь. Куда без этого.

— Всем стоять, это ограбление! — выкрикнул я, нацеливая обе трубки на архонта. — Я пришел украсть у вас одну прекраснейшую девушку. И увезти так далеко, где ее не найдут даже ваши киборги на «летающих тарелках» и боевые беспилотники.

— Алик, — не то вскрикнула, не то взвизгнула Валя, соскакивая с дивана, — Дуралекс... ты все-таки сделал это... ты здесь!

И подбежав ко мне, повиснув на мне, буквально впиалась своими губами в мои. Долгий то был поцелуй. И если кто не знает, как выглядит счастье, то скажу откровенно, что примерно вот так.

Архонт же, оставаясь под прицелом двух трубок, слезать с дивана не решился.

— Этот кудлатый старпер приставал к тебе? — осведомился я строго, когда Валя оторвалась-таки от меня.

— Сначала в ЗАКС отведи, тогда и ревнуй, — последовал незамедлительный ответ.

— Впрочем, по фиг, — сказал я и протянул девушке одну из трубок.

Да, как с нею обращаться, она не знала, и я это понимал. Но мне просто требовалось освободить одну руку для пульта. Так не бросать же оружие на пол, где его мог подобрать хоть охранник в белой форме, а хоть и сам архонт Каф.

— Закругляться пора, — с такими словами я достал пульт и посмотрел на маленький экран. Уровень синхронизации вполне ожидаемо поднялся до девяноста процентов.

Я уже предвкушал возвращение в родной НИИИНиПТ. Встречу с коллегами. Ну и конечно, возможное объяснение перед начальством — куда без этого. Однако...

— Ну что опять, Морглокх тебя разорви! — почти взвыл я от увиденного. — Не понос, так золотуха... блин!

Ибо едва мой палец потянулся к заветной кнопке, как синхронизация упала сразу на два процента. Я опасливо отдернул палец, дабы не усугубить.

— Смотрю, обламывать нас в последний момент для временного потока стало доброй традицией, — Валя невесело усмехнулась, тоже глядя на пульт.

— Что-то не так, люди из будущего? — подал голос архонт Каф.

— Не так, — подтвердил я с готовностью, — и возможно, дело в тебе, о, любитель с людьми из будущего встречаться. Да о новых расах грезить.

— Еще он курирует программу «Жнец», — осторожно проговорила Валя, — это ради нее... ради исследований, им задуманных, «летающая тарелка» похищала гиперборейских девушек.

— И, значит, от него весь сыр-бор, — заключил я мрачно, — ведь из-за этой его программы... у нас до сих пор не получалось вернуться. И пульт... показатель синхронизации — они с самого начала подсказывали нам, что нужно эту программу гребаную остановить. Еще когда к деревне Мило нас выводили. Но только теперь до меня дошло.

С этими словами я поднял стреляющую трубку, снова наведя ее на архонта. Да, я готов был пристрелить человека... совершить очередное убийство за время этого вояжа в прошлое. Даже не в бою. Если только жизнь этого доисторического Менгеле отделяла нас с Валею от возвращения домой.

Архонт аж сжался испуганно на своем диване.

— Алик, — робко и вполголоса обратилась ко мне Валя, — может... все-таки... не надо?

Видно было, что перспектива присутствовать при убийстве ее не радовала. Эх, женщины...

— Ну а что ты предлагаешь? — парировал я. — Или лучше ждать, пока тот охранник, которого я за дверью разоружил, прибежит с подмогой? Тогда, уверяю, трупов будет больше. Потому что без боя сдаваться я не намерен. Только в этом случае у нас точно не будет шансов вернуться домой.

Валя не то вздохнула, не то всхлипнула, но отошла от меня на пару шагов. Как будто кровь и свежий труп от этого станут менее заметны, а предсмертный крик — хуже слышаться.

— Вы совершаете ошибку, человек из будущего, — напоследок проговорил архонт Каф.

Я сжал трубку, давя на пару черных кругляшков, и... ничего. Только несколько искр сверкнули на конце трубки.

Черт! Оружие оказалось неисправным... оружие обезвреженного мной охранника, по всей видимости. Эх, и расслабились здесь все от близости к большому начальству. Настолько расслабились, что банально забили на безопасность. И на качество оружия, как главный столп ее.

Ну да ничего! У меня еще одна трубка есть.

Резким нервным движением, и ничего не говоря, я выхватил оружие из рук Вали. Поймал ее обиженный взгляд, но поделаться ничего не мог. Не до обид, знаете ли, когда вопрос реально встал: «пан или пропал». Потому что, не вернись мы в свой век, нам реально не жить. Особенно мне. После всех моих выходов поблажки ждать не приходится, будь я хоть трижды гостем из будущего.

Снова сжал трубку... тот же эффект. Несколько искорок и никакого выстрела.

Блин! Ну не может же быть два одинаковых бракованных ствола подряд!

— Как понимаю, все-таки что-то у вас не так, — молвил архонт Каф. На этот раз спокойно, с достоинством.

Осмелел, собака. Видя, что не такой уж я и опасный. Поднялся с дивана. Шагнул в мою сторону. Раз, другой.

— Я еще могу тебе врезать, — сообщил я, вскидывая трубку. И следом осознал, насколько жалко и нелепо со стороны это выглядит. Здоровенный детина пытается не то отмахиваться, не то заслониться от щуплого пожилого дядьки. Значит, хоть немного, но боится.

— Погоди... те! — вклинилась между нами Валя. — Кажется, я поняла, что делать.

Одной рукой она схватила за руку архонта. Другой перехватила у запястья мою руку, сжимавшую трубку. Довольно цепко ухватила.

— Теперь попробуй, Алик, — затем сказала девушка торопливо.

Что именно следует попробовать, уточнять мне не требовалось. Вновь достав пульт, я только глянуть на него успел — и сразу был готов заверещать от восторга, не хуже малолетней фанатки на концерте Билана, Лазарева или кто сейчас у школоты популярен?

Потому что уровень синхронизации взлетел до ста процентов. Ровно сто процентов — без оговорок и округлений.

Я нажал на заветную кнопку. И затаив дыхание наблюдал, как интерьеры гостиной архонта Кафа тускнеют и теряют четкость. Сменяясь кабиной машины времени — такой долгожданной.

Мы вернулись в свое время. Архонта Кафа вынужденно прихватив с собой.

* * *

Что еще можно сказать — ну, напоследок?

Свою беседу с архонтом Валя пересказала мне вскоре по возвращении. Худо-бедно позволив сложить оставшиеся кусочки мозаики в общую картину. А вашему покорному слуге — показать, насколько он крепок задним умом.

Я не берусь судить, что вышло бы из евристических замыслов Кафа, насколько вообще они были реальны. Зато неплохо представляю, куда вела кривая дорожка, проложенная оппонентами этого «добротного следователя» в Совете архонтов. Тех, кто втемлял себе в голову, что Гиперборея — что-то вроде Карфагена у римлян. И должна быть разрушена.

Взялись ли эти «ястребы» просто менять климат в северных широтах — изменяя направление течений, движения воздушной массы. А может (что кажется более вероятным), дошли даже до экспериментов с наклоном земной оси. Пределов их технологических возможностей я не знаю. Особенно не представляю, каких высот они могли достичь прежде, чем окончательно сорваться.

В любом случае, ничем хорошим ни для Гипербореи, ни для самой Атлантиды такие забавы не закончились. Да, сейчас на месте Гипербореи вековые льды северного полюса. Но фишка в том, что сотворивший это джинн успел покинуть свое узилище, и загнать его обратно оказались не в силах никакие технологические выкрутасы.

Потоки холода, покрывшие Гиперборею льдом, ею отнюдь не ограничились. Соседним землям... как минимум, досталось тоже.

Не обошлось наверняка и без движения огромных масс воды. Особенно если дело все же дошло до изменения наклона оси.

И массы эти буквально смыли «остров на полуденном пути» заодно изменив очертания материков. Уцелели разве что колонии, да и то не все — только в районах нынешней Центральной Америки и Ближнего Востока.

К тому же, разделенные и вынужденные выживать в новый ледниковый период, колонисты утратили большинство достижений цивилизации. Чуть ли не одичали. От прежней эпохи сохранив несколько имен, впоследствии ставших именами богов, предания о «золотом веке» (прошедшем), потерянном рае и всемирном потопе. Ну и еще манеру строить ступенчатые пирамиды. Или хотя бы просто пирамиды. Как память о былом величии.

Со временем они снова поднялись — потомки переселенцев-атлантов и их сателлитов на колонизованных землях. Особенно восточная их ветвь. Расселились на побережье нового моря, создав новые же цивилизации. Египет, Вавилон, Финикия... скорее всего, Греция.

Чтоб впоследствии дать себя завоевать то персам, то римлянам, то арабам. Успеют отметиться и германцы со славянами — бьюсь об заклад, потомки гиперборейцев, что, спасаясь от ледников, перебрались на юг, в Евразию. Да, у них будет возможность поквитаться с бывшими атлантами, терроризировавшими их и, в конце концов, лишившими родной земли. Такая вот, можно сказать, кармическая справедливость.

Падет и западная ветвь потомков колонистов из Атлантиды — несколькими веками позднее. Сначала черти принесут на их головы ацтеков с кровавыми культами и манией порабощения соседних племен. Потом и конкистадоры подспеют — для контрольного выстрела. Потому что если земля оказалась достаточно хороша, чтобы переселиться на нее, аналогичное желание может возникнуть и у других. В отношении ее же.

И останутся от древних строителей пирамид только руины да черепки и загадочные письма археологам на потребу. Ну и еще разные артефакты, вроде печально известного календаря майя — вызывающие нездоровый интерес у легковерной публики да привлекающие разных шарлатанов. Предсказамусов доморощенных, упражняющихся в придумывании очередной даты конца света. И не только их.

Такова судьба Атлантиды и ее потомков, худо-бедно вписывающаяся в известную нам картину мира. Незавидная судьба. Тогда как идея архонта Кафа по превращению простых смертных в колдунов могла дать ей шанс. Хотя бы маленький.

Не представляю, лучше бы от этого сделалось миру или хуже. Но это уже был бы не наш мир. Не наша с Валей реальность, из которой нас забросило в Гиперборею и Атлантиду. И в которую единственно мы могли вернуться.

Вот почему так важно было наставить палки в колеса программе «Жнец». Начиная с кибернетического Кощея на «летающей тарелке».

И вот почему, наконец, было необходимо нейтрализовать архонта Кафа. Причем именно забрать с собой. Похитить, а не убить.

Застрели я его — не останови меня оба раза неведомая, но могущественная сила — и Каф мог бы стать мучеником, национальным героем. Против идей которого выступать уже было бы не комильфо. Напротив, преемник наверняка бы объявил, что продолжить дело архонта Кафа для него вопрос чести.

А так... Каф просто исчез. Возможно, сбежал. Во всяком случае, следователи, которые займутся этим делом, данную версию тоже исключать не станут. Воинственный же архонт Гимл между тем получит на руки все козыри. Без шума и пыли. Препятствовать ему на Совете уже будет некому.

Заодно становится понятно, почему упала синхронизация, когда я уничтожил боевой беспилотник над Гипербореей. Бомбежки-то, им совершаемые, были как раз на совести Гимла. А ему мешать нам не полагалось. Ибо сам того не ведая, этот безрассудный милитарист торил дорожку к знакомой уже нам реальности. А лучше она или хуже — вопрос для досужих философов.

Но вот чего я не могу взять в толк, так это кто гоняет по небу на «летающих тарелках» (вроде угнанной нами) уже в наше время. Это точно не могут быть атланты, потому что путешествие в будущее невозможно. А в популярную инопланетную версию мне тем более не верится после всего увиденного.

Тогда кто? Неужели те, другие пришельцы из будущего, о которых говорили в Атлантиде? Те, благодаря кому она и воспарила над болотом доисторического мира.

Те, чье время является будущим не только для атлантов, но и для нас.

В этом свете я по-другому смотрю уже на наш институт. И особенно на машину времени, которую прежде в наивности своей принимал за великий прорыв отечественных физиков и конструкторов.

Но теперь думаю: а не поделились ли с нами те же люди, что в свое время помогали Атлантиде? Те, для кого путешествие во времени успело стать в порядке вещей.

Если так — тогда зачем это им, нашим далеким потомкам? К чему такая благотворительность?

В общем, чувствую я себя после этого путешествия как Сократ. Признавшийся однажды, что много знает, но не знает еще больше. И имеет гораздо больше вопросов без ответов, чем простой представитель отряда приматов, никакими сложными темами голову себе не забивающий.

Потому... снова оказавшись в кабине машины времени, в НИИИИНиПТе, я думал, что нахожусь в конце пути. Теперь же подозреваю, что, скорее, в начале.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net